

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№2
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Трансформация военно-промышленного комплекса США как базовое условие для эволюции концепции национальной безопасности Америки.

Харланов А.С. 3

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Проблемные вопросы некоторых способов распространения произведений в странах ЕАЭС.

Канатов Т.К. 7

Сближение семейного законодательства государств-членов ЕАЭС с помощью Legal Tech.

Козлов Д.В. 12

Право родителей на ограничение информационного пространства ребенка: отечественный и зарубежный опыт.

Ландина О.В. 15

Проблемы правового регулирования признания иностранных браков.

Титов И.Е. 19

Историко-правовой аспект развития искусственного интеллекта.

Косаренко Н.Н. 22

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

«Состязательная экспертиза» в российском уголовном процессе.

Ватутина О.Ю. 26

Проблемы оценки доказательств при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

Лукьянов С.С. 30

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Законность и обоснованность уголовного преследования в сфере оборота промышленной продукции.

Гуканов А.В. 33

Уголовная ответственность за отрицательные непрогнозируемые результаты при оказании медицинской помощи (ятрогенция).

Джинджолия Р.С. 36

Типичные свойства личности мошенника в сфере кредитования.

Дзюба А.О. 39

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Идентификационное значение голосовых сообщений при расследовании преступлений.

Гасанова Р.Б. 43

Особенности доказывания преступлений в сфере информационных технологий.

Голубев Ф.А. 47

К вопросу о развитии науки криминалистики в XXI веке в эпоху цифровизации.

Горбунова Е.В. 52

Теоретические основания использования научно-технических средств в криминалистической деятельности по обеспечению соблюдения мер пресечения.

Костенко Д.С. 56

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru

Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурлышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 16.08.2021

Цена свободная

Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- The transformation of the US military-industrial complex as a basic condition for the evolution of America's national security concept.
Harlanov A.S. 3

CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Problematic issues of some ways of distributing works in the EAEU countries. *Kanatov T.K.*..... 7
Approximation of the family legislation of the EAEU member states with the help of Legal Tech.
Kozlov D.V. 12
Parents' Right to Limit a Child's Information Space: Domestic and Foreign Experience.
Landina O.V. 15
Problems of legal regulation of the recognition of foreign marriages. *Titov I.E.* 19
Historical and legal aspect of the development of artificial intelligence. *Kosarenko N.N.* 22

CRIMINAL PROCESS

- "Adversarial examination" in the Russian criminal procedure. *Vatutina O.Yu.* 26

- Problems of assessing evidence in the implementation of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process.
Lukyanov S.S. 30

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW

- Legality and validity of criminal prosecution in the field of turnover of industrial products.
Gukanov A.V. 33
Criminal liability for negative unpredictable results in the provision of medical care (iatrogenism).
Jinjolia R.S. 36
Typical personality traits of a credit fraudster.
Dzyuba A.O. 39

CRIMINALISM. JUDICIAL AND EXPERT ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

- The identification value of voice messages in the investigation of crimes. *Hasanova R.B.* 43
Features of proving crimes in the field of information technology. *Golubev F.A.* 47
On the development of the science of forensic science in the 21st century in the era of digitalization. *Gorbunova E.V.* 52
Theoretical grounds for the use of scientific and technical means in forensic activities to ensure compliance with preventive measures.
Kostenko D.S. 56

Трансформация военно-промышленного комплекса США как базовое условие для эволюции концепции национальной безопасности Америки

Харланов Алексей Сергеевич

д. э. н., к.т.н., профессор кафедры «Мировая экономика», Дипломатическая академия МИД России, evzenkina@mail.ru

Нарастив мускулы при Бараке Обаме, сохранив позиции при Дональде Трампе, «Центр новой американской безопасности» при Джо Байдене действительно может стать мощнейшим инструментом лоббирования интересов представителей оборонно-промышленного комплекса США. В том случае, когда крупнейшие военные корпорации страны спонсируют деятельность аналитического центра, вопросы о беспристрастности его исследований и возникновении конфликта интересов растворяются сами собой, а к его рекомендациям по реализации внешней политики прислушиваются сильнее. Национальная концепция глобального доминирования учитывает только монополию США, как *Paix Americana*, паразитирующую на вере американского истеблишмента в собственную непогрешимость и уникальность, верящего, что весь мир это полигон демократии и только лучшая из них американская имеет право на копирование и безусловное признание и подражание со стороны всех существующих государств.

Ключевые слова: аналитический центр, Демократическая партия США, ВПК США, корпорации, ТНК, финансирование, беспристрастность исследования, конфликт интересов, влияние, Джо Байден.

Современный мир ухода американцев из Афганистана и планы по оставлению Ирака могут только подтвердить тезис, что состоявшиеся самые скандальные и неоднозначные президентские выборы в Америке, в результате которых победа была одержана членом Демократической партии США Джо Байденом, заставили многих экономистов вспомнить о прощальном обращении к нации президента Д. Эйзенхауэра [1], в котором не только говорилось о подъеме военно-промышленного комплекса Америки и его постоянном укреплении, но и подчеркивалась опасность утверждения власти денег, при которой вполне реальна перспектива окончательного подчинения американских ученых государственному диктату выделения средств под определенные проекты.

Возникает закономерный вопрос: почему вдруг все заговорили о подъеме ВПК США с таким, подчас нездоровым, энтузиазмом? Разве эта тема не освещается постоянно в СМИ на фоне противостояния «вызовам» со стороны России и Китая? И что все-таки подразумевается под словами Джо Байдена «вернуться в привычное русло» [2]: искоренение небывалого эгоизма и коррупции, сопровождавшие президентство Д. Трампа [3], или же возвращение к «заурядной» коррупции представителей Демократической партии США, которую Д. Трамп обещал устранить в начале своего президентства?

Согласно сенсационному докладу [4], опубликованному подразделением Центра экономических и политических исследований США «*Revolving Door Project*» (отметим, что целью деятельности *Revolving Door Project* является изучение опыта и компетенций представителей органов власти в США для выявления истинной мотивации их деятельности: служение широким общественным интересам или укрепление корпоративной власти, личное продвижение) [4], под названием «Симбиоз оборонно-промышленного комплекса и научно-исследовательского центра: конфликт интересов в «Центре новой американской безопасности (CNAS - от англ.: «Center for a New American Security», основан в 2007 году)» [5] становится очевидным, что в годы президентства Д. Байдена, коррупция в коридорах Вашингтона не исчезнет, а лишь вновь приобретет оборонно-промышленный оттенок. Данный доклад обвиняет ведущий демократический аналитический центр по вопросам внешней политики CNAS в лучшем случае – в «се-

резном недостатке подотчетности», а в худшем – в «систематически коррумпированных договоренностях», которые способствуют продвижению корпоративных интересов спонсоров, выдавая их за общественное благо.

«Центр новой американской безопасности» позиционирует себя как двухпартийный аналитический центр. Однако можно дать ему и другое определение, а именно: инкубатор представителей президентской администрации по вопросам внешней политики. Администрация Джо Байдена уже насчитывает примерно 16 человек [4], отобранных на внешнеполитические должности из числа бывших сотрудников CNAS. Кроме того, нельзя не обратить внимание на то, что CNAS получает крупные взносы напрямую от подрядчиков американского военно-промышленного комплекса, иностранных правительств и правительства США, а также нередко публикует в открытых источниках исследования, отражающие интересы спонсоров, без надлежащего раскрытия информации.

Представляется полезным провести исследование на предмет выявления главных корпоративных и государственных спонсоров CNAS и механизмов с помощью которых эти спонсоры, вероятно, оказывают влияние на исследовательскую программу аналитического центра.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на то, что CNAS определяет себя как независимую двухпартийную некоммерческую организацию, которая «привержена высочайшим стандартам организационной, интеллектуальной и личной честности» [5], но список спонсоров, указанных на официальном сайте Центра, дает много оснований для предварительного беспокойства. Ведь финансирование деятельности подобных аналитических центров, как правило, складывается не только из взносов и вложений правительств, частных компаний и индивидуальных спонсоров, но и из денежных поступлений от академических кругов, некоммерческих фондов, грантов на развитие конкретных областей.

Однако, если аналитический центр финансируется в основном коммерческими и государственными организациями, интересы которых напрямую имеют отношение к проводимым исследованиям, то не может не возникнуть опасение относительно потенциального конфликта интересов, который может поставить под угрозу беспристрастность исследования. На данный момент, крупнейшими спонсорами (взносы от 500 тыс. долл.)

«Центра новой американской безопасности» являются: Государственный Департамент США, «Quadrivium Foundation» - некоммерческая организация, которая финансирует исследования по пяти основным направлениям: демократия, технологии и общество, наука, изменение климата и чистота океанов, «Smith Richardson Foundation Inc» - частный фонд, чья миссия состоит в решении серьезных проблем государственной политики США, а также «Northrop Grumman Systems Corporation» - американская военно-промышленная компания, работающая в области электроники и информационных технологий, авиакосмической отрасли, су-

достроении. На последней организации есть смысл остановиться подробнее. «Northrop Grumman Systems Corporation» наряду с «Lockheed Martin Corporation»,

«BAE Systems, Inc.», «The Boeing Company», «Raytheon Technologies Corporation» и «General Dynamics Corporation» входит в так называемую

«Большую шестерку» подрядчиков ВПК США, на которых приходится 2/3 всех военных заказов Америки. Когда одним из спонсоров аналитического центра выступает гигант оборонной промышленности, степень возникновения сомнений в беспристрастности исследований невысока. Другое дело, когда финансирование выделяется пятью (из шести) основными подрядчиками Пентагона [6,7]. Все же на данный момент в разделе спонсоров CNAS не хватает только упоминания «General Dynamics Corporation» для того, чтобы «Большая шестерка» была в сборе.

Помимо взносов Министерства обороны и Государственного департамента, финансирование деятельности CNAS от правительства США поступает от Управления директора национальной разведки и Национального совета по разведке. Кроме того, с 2015 года взносы внесли НАТО и как минимум 11 иностранных правительств, являющихся союзниками США: Канада, Финляндия, Германия, Япония, Латвия, Литва, Норвегия, Южная Корея, Швейцария, Тайвань и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Среди других сторонников CNAS - компании, работающие на ископаемом топливе, такие как BP и Chevron, инвестиционные банки, такие как Bank of America и JPMorganChase, и технологические фирмы, такие как Facebook, Google и Microsoft. В целом 18 из 100 крупнейших публичных корпораций США внесли вклад в CNAS только за последний финансовый год.

Получение аналитическим центром финансирования от организаций корпоративного и государственного секторов еще не говорит о нарушении принципа беспристрастности при проведении исследований. До той поры, пока не будут замечены тематические исследования, в которых CNAS продвигает интересы своих спонсоров, минуя надлежащее раскрытие информации в целях избежания конфликта интересов. Речь идет, прежде всего, о исследованиях, которые преследовали, в конечном счете, следующее:

1) привлечение частных военных подрядчиков, действующих от имени США в зонах боевых действий;

2) отставание реализации стратегии действующих военных чиновников США, имеющих тесные связи с Центром, в Афганистане;

3) заключение сделки с посольством ОАЭ, в целях проведения исследования, рекомендацией которого станет смягчение требований экспорта американских дронов военного назначения;

4) поддержка дополнительных закупок новейшего стратегического стелс-бомбардировщика B-21 Raider, разрабатываемого одним из крупнейших спонсоров CNAS - «Northrop Grumman Systems Corporation»;

5) рекомендация, в рамках доклада «Risingtothe China Challenge» [5], проведения политики конфронтации в отношении КНР с целью роста спроса на услуги оборонной промышленности, т.е. основных покровителей аналитического центра («промежуточная версия Стратегии национальной безопасности США» [8], подготовленная администрацией Джо Байдена, включает намерение провести оценку численности, структуры и возможностей своих вооруженных сил «перед лицом вызовов», связанных с Китаем).

Возвращаясь к принципу беспристрастности исследований «Центра новой американской безопасности», стоит задуматься: а не происходит ли подмена понятия «беспристрастность» понятием «беспрецедентность»? Вопрос остается открытым...

Большинство отчетов и исследований CNAS сопровождаются утверждением о том, что содержание публикаций отражает только взгляды их авторов, а не позиции институциональных объединений. Однако во время очередного выступления в 2014 году, соучредитель «Центра новой американской безопасности» Мишель А. Флурной (В 2009–2012 гг. работала заместителем министра обороны США по политическим вопросам. В 2020 г. рассматривалась в качестве главного кандидата Джо Байдена на пост главы Пентагона) затронула тему финансирования индустрии американских аналитических центров. Мишель А. Флурной выдвинула тезис о том, что после Великой рецессии 2008 года аналитические центры работают в гораздо более жестких финансовых условиях, что вынуждает их обращаться как к корпорациям и бизнес-сообществу за поддержкой, так и к зарубежным источникам финансирования [8].

Воинственная идеологическая концепция CNAS, сформулированная в 2016 г. в докладе Центра «Расширение американского могущества» [5,9], безусловно, благоприятствует влиятельным спонсорам, которые видят в ее реализации расширение возможностей для получения выгоды. Данный доклад, чьим соавтором была и Мишель А. Флурной, содержит призыв к увеличению военного бюджета США, одобрению Транстихоокеанского партнерства, поставкам оружия на Украину и обучению украинских вооруженных сил противодействию России, а также к эскалации военного вмешательства в Ирак и Сирию.

Таким образом, если CNAS удастся убедить политиков следовать направлениям внешней политики, описанным в своих докладах, то политики фактически создадут спрос для оборонной промышленности. Это, в свою очередь, обогатит главных военных подрядчиков и предоставит им дополнительные финансовые ресурсы для финансирования таких организаций, как CNAS.

Для справедливости стоит сказать, что наличие конфликта интересов при публикации докладов Центра может иногда быть списано на простое упущение надзорных органов. В качестве примера можно привести оказание публичной поддержки лицами, связанными с деятельностью CNAS, пра-

вительству США в инвестировании в полупроводниковые технологии. Без сомнения, полупроводниковой промышленности, которая является основой для цифровизации, принадлежит будущее. Следовательно, есть причина рассматривать это как разумную рекомендацию, которую сделали бы многие объективные исследователи несмотря на то, что «Ассоциация полупроводниковой промышленности» («Semiconductor Industry Association») выступает в качестве спонсора CNAS.

Целый ряд аналитических центров, основным направлением для исследования которых является внешняя политика (например, «Центр стратегических и международных исследований» [10,11] и «Атлантический совет» [12,13]), регулярно пересекают свою пропагандистскую работу с интересами своих состоятельных покровителей. Но далеко не все имеют такое же влияние на работу правительства США, каким обладает «Центр новой американской безопасности». Напомним, на сегодняшний день по крайней мере шестнадцать сотрудников центра оказались в администрации президента Байдена.

Вашингтон, похоже, наконец-то, снова попал в руки экспертов, которые всегда должны были руководить столицей демократии. Это также означает, что в соответствии с обещанием Байдена город вернулся к тому же, ничем не примечательному состоянию, основанному на деньгах, которое Трамп впервые использовал для прихода к власти четыре года назад. И «глубинное государство» потихонечку выдохнуло и успокоилось.

Так что же на самом деле подразумевалось под слоганом Джо Байдена «Наши лучшие дни еще впереди» во время президентских выборов? Пока что все указывает на то, что «лучшие дни представителей оборонно-промышленного комплекса США еще точно гарантировано впереди». И концепция национальной безопасности Америки всё более будет обретать космический и антихакерский уклон, -на Земле приоритеты отвоевывать становится всё труднее, а Илон Маск и Джефф Безос начали эру не только космического туризма, но и перевели романтизм бытия в неведомую одиссею и гонку государств за доминирование околоземных технологий и оружия нового поколения внеземного базирования. За ними это будет продолжать делать и «Боинг», но с аппаратами расширенного функционала двойного назначения и в желании выстраивания центров совместной земной и воздушных инфраструктур.

Литература

1. Обращение к Нации <http://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhowerfarewell.html>
2. U.S. History. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.republicreport.org/2020/ten-reasons-trump-is-the-most-corrupt-president-in-u-s-history/>
3. Национальная Стратегия США 2017 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp->

content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf

4. The Military-Industrial-Think Tank Complex: Conflict of Interest at the Center for a New American Security. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://therevolvingdoorproject.org/wp-content/uploads/2021/02/2021-02-CNAS-Heinz-and-Jung.pdf>

5. Новостной ресурс «Forbes». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/daviddodson/2021/02/05/weve-been-played-by-the-political-industrial-complex/?sh=40e4ca4266ad>

6. The Revolving Door Project <https://cepr.net/about-us/>

7. Center for a New American Security <https://www.cnas.org>

8. Аналитический доклад OSD A&S: <https://media.defense.gov/2021/Jan/14/2002565311/-1/-1/0/FY20-INDUSTRIAL-CAPABILITIES-REPORT.PDF>

9. Interim National Security Strategic Guidance (Промежуточная версия Стратегии национальной безопасности США). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/>

10. Речь Мишель А. Флурной. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.c-span.org/video/?320562-1/qa-michele-flournoy>

11. Официальный сайт Центра стратегических и международных исследований. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.csis.org>

12. Официальный сайт Атлантического совета. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org>

13. Сайт «Байден-Харрис». Joe Biden's plan to "build back better" for American workers. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://joebiden.com/joe-bidens-plan-to-build-back-better-for-american-workers/>

The transformation of the US military-industrial complex as a basic condition for the evolution of America's national security concept

Harlanov A.S.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Basically reinforced power muscles at Barak Obama, saved a level of influence at Donald Trump, "Center of a New American Security" at Joe Biden policy will have a chance to dominate to make a lobby of interests of American military-industrial complex. In this case the largest military corporations will support the investments cash flow as a main structure without feedback and truly honest position of conflict of interest but push the foreign policy solutions much strongly. A national concept of global domination includes only American monopoly for Paix Americana creation and development, which gives parasitizes efforts of American establishment in own infallibility and unique nature of worldwide polygon using democracy as a best American democracy model has a right for copy and total acceptance and imitation from all existing states providing.

Keywords: analytical center, American Democracy party, American military-industrial complex, corporations, mnc, financing, impartiality of study, conflict of interest, influence, Joe Biden.

References

1. Appeal to the Nation <http://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhower/arewell.html>
2. U.S. History. Electronic resource. Режим доступа: <https://www.republicreport.org/2020/ten-reasons-trump-is-the-most-corrupt-president-in-u-s-history/>
3. US National Strategy 2017 Electronic Resource. Access mode: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
4. The Military-Industrial-Think Tank Complex: Conflict of Interest at the Center for a New American Security. Access mode: <https://therevolvingdoorproject.org/wp-content/uploads/2021/02/2021-02-CNAS-Heinz-and-Jung.pdf>
5. Forbes News Resource. Electronic resource. Access mode: <https://www.forbes.com/sites/daviddodson/2021/02/05/weve-been-played-by-the-political-industrial-complex/?sh=40e4ca4266ad>
6. The Revolving Door Project <https://cepr.net/about-us/>
7. Center for a New American Security <https://www.cnas.org>
8. OSD A&S analytical report: <https://media.defense.gov/2021/Jan/14/2002565311/-1/-1/0/FY20-INDUSTRIAL-CAPABILITIES-REPORT.PDF>
9. Interim National Security Strategic Guidance (Interim version of the US National Security Strategy). Electronic resource. Access mode: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/>
10. Speech by Michelle A. Flournoy. Electronic resource. Access mode: <https://www.c-span.org/video/?320562-1/qa-michele-flournoy>
11. Official site of the Center for Strategic and International Studies. Electronic resource. Access mode: <https://www.csis.org>
12. Official website of the Atlantic Council. Electronic resource. Access mode: <https://www.atlanticcouncil.org>
13. Site "Biden-Harris". Joe Biden's plan to "build back better" for American workers. Electronic resource. Access mode: <https://joebiden.com/joe-bidens-plan-to-build-back-better-for-american-workers/>

Проблемные вопросы некоторых способов распространения произведений в странах ЕАЭС

Канатов Танат Канатович

канд. юрид. наук, доц., кафедра гражданского права, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, natan82008@mail.ru

Данная статья затрагивает отдельные серьезные проблемы вариантов распространения в странах ЕАЭС авторских произведений. Нужно обратить внимание, что гражданское право государств – участников ЕАЭС постоянно сталкивалось с некоторыми сложностями в данном вопросе, которые обуславливались как политическими, так и социальными, культурными, экономическими, научно-техническими потребностями социума. В числе этих проблем – такие, которые на любом этапе становления и развития юридической науки являются наиболее важными. К подобным – участникам ЕАЭС постоянно можно причислять исследование способов, которыми распространяются авторские произведения. В законодательстве и науке некоторых государств ЕАЭС присутствуют разные способы, имеющие различный уровень детализации. Эти вопросы в юридических теориях являются предметом постоянных обсуждений уже в течении многих веков. Данная статья отражает самые значимые теоретические выкладки великих ученых различных эпох, которые изучали данную проблему.

Цель: Провести подробное исследование проблемных вопросов, касающихся отдельных способов распространения в государствах ЕАЭС авторских произведений.

Методология: Были применены историко-правовые, сравнительно-правовые, конкретно-социологические, социально-правовые, системно-структурные и статистические методы работы.

Результаты: Выводы и предложения, сформированные по итогам анализа международного законодательства, а также НПА стран ЕАЭС, которые действовали на момент написания статьи.

Актуальность работы и ее практическая значимость состоит в выполнении подробного анализа отдельных способов распространения в странах ЕАЭС авторских произведений.

Особая значимость настоящей работы обусловлена тем, что теоретические положения, сформулированные в ней, могут послужить основой для изучения в дальнейшем проблемных вопросов, связанных с правовой регламентацией исследуемых способов распространения в странах ЕАЭС авторских произведений. В этой связи данное исследование представляет собой весомый вклад в теорию гражданского права.

Новизна/оригинальность/ценность: Высокая научная ценность этой работы связана с тем, что данное исследование является одним из первых шагов в сфере изучения актуальных проблемных вопросов правовой регламентации способов распространения произведений в странах ЕАЭС, таких как дарение, сдача в прокат, мена и проч.

Ключевые слова: способы распространения произведений, ЕАЭС, сдача в прокат, исчерпание прав, производные произведения, фонограммы, компьютерные программы, авторско-правовая охрана, телевизионный формат, авторское право на фильм, право следования.

Введение. Практика показывает, что очень много судебных тяжб связаны с распространением авторских произведений через продажу либо какое-либо другое отчуждение его оригинала или экземпляров, в т.ч. через сеть Интернет. Среди основных способов распространения – продажа, дарение, мена, сдача в прокат [1]. Продажа - это реализация за определенную плату копий произведения. В случае, когда экземпляры произведения, правомерно опубликованного, были введены в гражданский оборот способом продажи, они могут в дальнейшем распространяться и без согласия автора произведения. Соответственно, авторское вознаграждение в этом случае не выплачивается. Как правило, проданные экземпляры произведения сопровождаются письменной информацией об этом произведении, а также данными о его авторе (или нескольких авторах), обстоятельствах выпуска в свет экземпляров данного произведения и прочими данными. Информация такого рода, указанная на экземплярах произведений, обладает высокой ценностью в качестве доказательства по делу в суде.

Также один из частых способов распространения произведения – это сдача в прокат, когда экземпляр авторского произведения предоставляется во временное пользование и имеет конечной целью получение выгоды. Соглашением ТРИПС на международном уровне было подтверждено право на прокат. Данные нормы регламентируют коммерческий прокат произведения исключительно с разрешения правообладателя. Если такого разрешения нет, кинематографические произведения можно пускать в прокат только если за этим не последует их широкомасштабное копирование. Фонограммы и компьютерные программы возможно выпускать в прокат без соответствующего разрешения их правообладателя, если только они не представляют собой основной объект проката.

В договоре ВОИС (статья шестая) отражено право на распространение. В первом пункте этого Договора (статья шестая) указано, что владельцам произведений предоставляют исключительное право. Это право дает возможность довести до всеобщего доступа отдельные образцы произведений посредством продажи (передачи) имеющегося права собственности. В соответствии с указанным выше договором, право на распространение заключается в передаче права собственности с использованием материального носителя произведения (не передача в прокат).

Таким образом, право на распространение связано с принципом «исчерпания прав». Этот принцип заключается в следующем. При установлении отдельных условий последующее распространение образцов того или иного произведения допустимо без авторского согласия и, следовательно,

без выплаты материальных вознаграждений. Но это не касается сдачи в прокат. В случае копирования оригиналов произведений изобразительного искусства, а также отдельных рукописей утверждение права на распространение признается отдельно. Но при этом автор может рассчитывать на авторское вознаграждение от продаж экземпляров (право следования).

Встречаются проблемные моменты в ходе практической реализации указанного принципа на рыночных площадках государств ЕАЭС на товарный знак. Внедрение разных правовых норм способно осложнять проведение операций на международном уровне. В ходе укрепления единых норм по внедрению исключительных прав законодатели развитых стран вырабатывают действенные стратегии, представляемые в форме внедрения безоговорочных принципов на товарный знак [2]. Регулирование данного вопроса на уровне государств ЕАЭС находится на начальной стадии.

Применение производных, а также составных произведений также отличается своими проблемными нюансами. В частности, к производным произведениям относят итоги переработки отдельных произведений (инсценировка, обработка, аранжировка и другие произведения – статья 1259 (пункт второй), статья 1260 (пункт первый) ГК России). А к составным произведениям относят результаты творческо-ручного труда, направленные на подбор и разделение образцов (энциклопедий, online-страниц, атласов, карт и др. – статья 1259 (пункт второй), статья 1260 (пункт второй) ГК России).

К примеру, производное произведение в виде аранжировки представляет собой видоизменение произведения, составленного для отдельного инструмента (музыкального объединения), когда происходит переложение для звучания на другом инструменте. Без правового соотношения произведений, входящих в музыкальный сборник, объектом авторского права способны быть и сами сборники. Объект – установленный порядок расположения, объединения и отбора произведений. В ходе последовательной обработки экземпляров (включены в сам сборник), подобная процедура рассматривается в виде отделенного объекта авторско-правовой защиты.

Семплирование (sampling) – это еще один объект музыкального произведения. Представляет перенесение музыкального отрывка в одно или несколько произведений. Для того чтобы проводить семплирование нужно иметь авторское разрешение, а также получать разрешение у исполнителя фонограммы [3].

Обращаясь к статье 1306 ГК России, можно заметить, что допускается применение объектов смежных прав без фактического разрешения правообладателя, а также без выплаты компенсации на случай свободного применения произведений (ст. 1273-1274, 1277-1279 ГК) или в других случаях, указанных в главе 71 ГК России.

В отдельную группу входят музыкально-драматические произведения. Это сложные объекты исключительных прав. Они предназначены

для выполнения на сцене (к примеру, оперетта, мюзикл, балет и пр.). В особенности мюзикл содержит компоненты из драматического, оперного либо хореографического произведения [4].

В соответствии со статьей 1240 (пункт первый) ГК России, лицо, которое занимается созданием сложного объекта, содержащего разные результаты интеллектуальной деятельности (кинокартина, театральное или оперное представление, другой продукт), имеет право пользования вышеописанными результатами по договорам об отчуждении исключительного права.

Результат развивающегося процесса, в который вовлечены разные люди, – это аудиовизуальное произведение. В таком процессе участвуют актеры, сценаристы, композиторы, художники и прочие. [5] Д. М. Орлов обращает внимание на то, что аудиовизуальные произведения содержат в себе не только кинематографические объекты, но и другие произведения, которые представлены в виде средств, аналогичных кинематографическим (видеокартины, телепрограммы и прочее), независимо от вариантов их первоначальной обработки [6].

Можно обратить внимание и на разъяснения Э. П. Гаврилова. Автор обращает внимание на то, что аудиовизуальное произведение – объединение музыкальных идей и замыслов, поэтому расценивать аудиовизуальное произведение, которое разработано соавторами, не всегда правильно. Следовательно, на такое произведение нужно другое авторское право [7]. Опираясь на Бернскую конвенцию (1886) об охране литературных и художественных произведений, можно сказать, что аудиовизуальные образцы приравнивают к оригинальным. Это связано с тем, что происходит закрепление авторских прав в общем случае.

Анализируя содержание статьи 1263 ГК, можно понять, что под аудиовизуальным образцом понимают такое произведение, которое содержит объединенные между собой изображения (со звуком либо без него), сориентированное на зрительское и слуховое (при сопровождении звука) восприятие с привлечением требуемой аппаратуры.

Однако в законодательных документах других государств ЕАЭС содержание аудиовизуального произведения не раскрыто полностью. Найти определение термина можно в специальных законодательных актах. А это не совсем правильно в рамках урегулирования исключительного авторского права. В частности, в четвертой статье Закона об авторском праве (Армения) описано, что аудиовизуальное произведение – это совокупность взаимосвязанных изображений (со звуком либо без него), которые человек может видеть или слышать, а в Законе об авторском праве (Беларусь) отмечено, что аудиовизуальное произведение – это произведение, включающее ряд взаимосвязанных изображений (со звуком или без него), которые находятся в постоянном движении и созданы для непосредственного зрительно-слухового восприятия с привлечением специальной аппаратуры (статья четвертая).

Стоит обратить внимание на применение формата аудиовизуального произведения в странах СССР. Сегодня телевидение остается важным средством подачи информации. Неудивительно, что различные видеоматериалы становятся предметом нарушения прав в форме несанкционированного распространения. Таким образом, авторы произведений не получают денежных компенсаций за свой труд. В результате имеет место такая форма распространения, как «sorucat television» – «подражатель, подделка».

В советском законодательстве не было точной трактовки термина «телевизионный формат». Это стало своеобразным камнем преткновения. Под таким форматом стали понимать сбор сведений в форме видео- и аудиоматериалов, задающих идею (телешоу, телепередача, развлекательная игра и прочее), а также отдельных компонентов практической реализации, в том числе сплетение сюжетных линий, творческих задумок, правила главных героев, особенности их поведения, смену событий, декоративное оформление, технические и дизайнерские элементы рассматриваемой программы [8].

В каждой телепрограмме выделяют два важных параметра:

— Рейтинг программы. Этот показатель представляет собой количество человек (средний показатель), которые смотрели TV-программу. Выражается параметр в процентах от привлеченной аудитории. Телеканалы параллельно занимаются мониторингом среднесуточной доли (среднее количество зрителей, которые смотрели канал в течение суток – выражается в % от всей численности);

— Доля программы. Это среднее количество телезрителей, которые смотрели TV-программу (выражается в процентах от всей численности).

Опираясь на указанные выше показатели, можно отслеживать уровень популярности конкретной программы, а также контролировать стоимость рекламной минуты времени (между перерывами). Не стоит забывать, что основная доля дохода телеканалов зависит от эффективной подачи рекламы. Рекламодатели нацелены на то, чтобы вкладывать средства, предлагая свой товар (услугу) заинтересованной аудитории.

Кинофильм относится к категории наиболее сложных произведений с позиции правового регулирования порядка. Это связано с условиями создания и существующими гарантиями в отличие от других произведений.

Стоит обратить внимание на систему film soruyright (авторское право на телефильм) и ее связь с отношениями к первичному носителю прав. В развивающихся странах по-разному изучают вопросы присваиваемых прав на телефильм с применением соответствующих подходов. Эти способы группируют так:

1. Государства, которые выделяют примерный список авторов (например, Бельгия). Так, если автор на территории Франции не доказал противоположное, то признается автором сценария, ком-

позиций с различным сопровождением, которые были подобраны для данного экземпляра и пр.

2. Страны, делающие акцент на особом перечне авторов (закрытый список). Но такой перечень может постоянно меняться. Так, в РФ авторами телефильма могут быть авторы сценария или же постановщики, а также композитор музыки, а вот в Кыргызстане этот список дополняется режиссером и художником-постановщиком (ст. 13, закон «Об авторском праве ...»).

3. Государства, в список которых не включены авторы (к примеру, Дания). Поэтому при установлении круга авторов прибегают к общим правилам, которые постоянно применяют на практике [9].

Нужно обратить внимание на то, что телефильм – это результат объединения различных результатов собственного труда, собранных от разных людей. Опираясь на содержание статьи 1263 (пункт первый) ГК России, телефильм создается отдельными авторами, среди которых – автор сценария, постановщик, композитор оригинальной музыки. Так, аудиовизуальные экземпляры содержат кинематографические звенья и дополнительные включения из прочих произведений, которые выражаются с применением специальных средств, схожих с кинематографическими (телефильмы, видеоролики), независимо от вариантов последующей подачи. В законодательствах прочих стран СССР о таком объекте указано в отдельных аудиовизуальных произведениях, а содержание отражено в специальных нормах об авторском праве.

Объекты смежных прав – еще одна важная категория. К примеру, это могут быть сообщения передач. Вещательные фирмы часто занимаются популяризацией произведений и схожих средств. За счет стремительного внедрения новейших технологий, в числе которых доступ в сеть Internet и распространение дистанционной передачи данных, появились новые пути распространения различных образцов. Среди таких вариантов стоит отметить интерактивное телевидение, мобильное TV, internet-телевидение, smart средства.

Международная конвенция (1961) об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций, которую подписали в Риме, – актуальный договор, действующий на международном уровне, на основе которого предоставляется защита прав компаниям вещания. Россия стала поддерживать этот международный договор с 2003 года.

Распространение вышеописанной конвенции подтолкнуло к принятию нескольких национальных проектов о защите прав фирм, занимающихся вещанием (предоставлено право на распространение сообщений).

Уведомления передач компаний вещания, которые разработаны непосредственно данной компанией вещания по отдельному заказу фирмы-спонсора, – предмет смежных прав.

При этом, «передача» представляет собой радиовещание, TV-вещание или другой способ распространения сигналов, массовой агитации. Также

это может быть непосредственное действие (итог таких действий) [10]. Во время радиовещания такой объект является собой совокупность звуков, а при TV-передаче – совокупность движущихся картинок параллельно со звуком (распространяются вещательными фирмами).

Любое вещание осуществляется в эфире (к примеру, через спутник), по кабелю (оптоволокно), через сеть Internet. В таком случае могут иметь место объекты авторского права (в форматах видео и аудио, оригинальные музыкальные образцы), а также объекты аналогичных прав (фонограмма, видеоматериалы и пр.), не охраняемые объекты (картинки, информация об интересных событиях, новости). В данном случае заключают договоры о применении объектов непосредственно с обладателями интеллектуального труда либо с фирмой, которая занимается управлением правами.

Запуск эфира (вещание) по кабелю отличается разным юридическим контекстом. Однако это и есть применение объектов авторского права и одновременно объектов смежных прав [11].

Заключение. Учитывая описанные выше проблемные моменты и пути распространения произведений с целью унификации законодательства в этом плане, необходимо отразить в гражданских кодексах Союза общую систему вариантов распространения исключительных прав, а также более точное их разъяснение и содержание.

Литература

1. Интеллектуальная собственность на телевидении и радио: учебное пособие / под ред. Э.П. Гаврилова, П. Круга. - М.: Центр «Право и СМИ», 1998. С.29.

2. Нурғалиев М.С. Понятие и принципы исчерпания исключительного права на товарный знак / М.С. Нурғалиев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2017. - № 12.- С.230-233.

3. Алистратова М.Е. Авторское право на музыкальные произведения: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.Е. Алистратова. - М., 2012. С.31.

4. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. — М.: Статут, 2017. С.81.

5. Кружалов С. Е. Аудиовизуальное произведение как объект авторского права: дис... канд. юрид. наук / С.Е. Кружалов. - М., 2002. 192с.

6. Орлов Д.М. Осуществление и гражданско-правовая защита прав авторов аудиовизуального произведения: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д. М. Орлов. - М., 2011. - 205с.

7. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону «Об авторском праве и смежных правах» / Э.П. Орлов. - М.: Издательство «Экзамен», 2005. С.97.

8. Комаров С. Неформат телеформата / С. Комаров // Менеджер. Кино. – 2008. - № 1; [Электронный ресурс]. URL. <http://www.unifin.ru> (дата обращения: 15.06.2021).

9. Pascal K. Film Copyright in the European Union. Cambridge University Press, United Kingdom. 2002.

10. Зенин И.А. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное. Под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. С.156.

11. Власов Е.Г. Гражданско-правовая охрана сообщений передач в качестве объекта смежных прав: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.Г. Власов. - М., 2013. С.51.

Problematic issues of some ways of distributing works in eeu countries

Kanatov T.K.

Lomonosov Moscow State University

This article discusses the problematic issues of some ways of distributing works in the EEU countries. It should be noted that the science of civil law of the EEU countries has always faced specific problems at each stage of its development, determined by the political, economic, socio-cultural, scientific and technical needs of society. Among their wide variety, there are those that are key for legal science at any stage of its development. These include, with good reason, the study of ways to distribute works. There are various methods, with different levels of detail in the science and legislation of individual EEU countries. In the legal theory, these issues have been discussed for several centuries, the article reflects the most significant theoretical calculations of outstanding scientists on these legal controversial issues of various epochs.

Purpose: To investigate topical problematic issues of some ways of distributing works in the EEU countries.

Methodology: When writing the article, system-structural, concrete-sociological, historical-legal, socio-legal, comparative-legal, statistical methods of work were applied.

Results: Proposals and conclusions based on the analysis of international legislation, as well as regulatory legal acts of the EEU countries that were in force at the moment.

The relevance and practical significance of this article is to analyze some ways of distributing works in the EEU countries.

The special significance of this research lies in the fact that the developed theoretical provisions of this work can be used in the future for the purpose of further study and consideration of issues, problems of legal regulation of the considered methods of distributing works in the EEU countries. Therefore, with the conducted research, the author invests a significant resource in the theoretical part of civil law.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value, since it is one of the first attempts to consider the current problematic issues of legal regulation of the ways of distributing works in the EEU countries, in particular, rental, donation, exchange, etc.

Keywords: methods of distribution of works, the EEU, rental, exhaustion of rights, derivative works, phonograms, computer programs, copyright protection, television format, film copyright, the right to follow.

References

1. Intellectual property on television and radio: textbook / ed. E.P. Gavrilov, P. Krug. - M.: Center "Law and Mass Media", 1998. P.29.
2. Nurgaliev M.S. The concept and principles of the exhaustion of the exclusive right to a trademark / M.S. Nurgaliev // Humanities, socio-economic and social sciences. - 2017. - No. 12.- P.230-233.
3. Alistratova M.E. Copyright for musical works: dis ... cand. jurid. Sciences: 12.00.03 / M.E. Alistratova. - M., 2012.S. 31.
4. Intellectual property rights. Т. 2. Copyright: Textbook / Under total. ed. Doctor of Law, prof. L.A. Novoselova. - M.: Statut, 2017.S. 81.
5. Kruzhalov S.E. Audiovisual work as an object of copyright: dis ... cand. jurid. sciences / S.E. Kruzhalov. - M., 2002.192s.
6. Orlov D.M. Implementation and civil protection of the rights of the authors of an audiovisual work: dis ... cand. jurid. Sciences: 12.00.03 / D. M. Orlov. - M., 2011. -- 205s.
7. Gavrilov E.P. Commentary on the Law "On Copyright and Related Rights" / E.P. Orlov. - M.: Publishing house "Exam", 2005. P.97.

8. Komarov S. Informat teleformat / S. Komarov // Manager. Movie. - 2008. - No. 1; [Electronic resource]. URL. <http://www.unifin.ru> (date of access: 15.06.2021).
9. Pascal K. Film Copyright in the European Union. Cambridge University Press, United Kingdom. 2002.
10. Zenin I.A. Civil law: In 4 volumes. Volume 2: Property law. Inheritance law. Exclusive Rights. Personal moral rights: Textbook. 3rd edition, revised and enlarged. Ed. E.A. Sukhanov. - M.: Walters Kluver, 2008.S. 156.
11. Vlasov E.G. Civil protection of transmission messages as an object of related rights: dis ... cand. jurid. Sciences: 12.00.03 / E.G. Vlasov. - M., 2013.S. 51.

Сближение семейного законодательства государств-членов ЕАЭС с помощью Legal Tech

Козлов Денис Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО Южный
Федеральный Университет

Статья описывает возможность сближения семейного права в рамках ЕАЭС и сопутствующие этому проблемы. Основных проблем две. Первая проявляется в различном содержании одинаковых определений в разных национальных системах права и неопределенности правоприменительных процессов. Вторая отражает неспособность человека в течение короткого времени обработать большой массив правовых норм. Для решения данных проблем предлагается использовать достижения юридических технологий. В качестве инструментария рассматриваются компьютерные алгоритмы с элементами искусственного интеллекта на основе двудольных графов, предназначенные для работы с большими данными.

Ключевые слова: семейное право, сближение законодательства, ЕАЭС, большие данные, двудольный граф, компьютерный алгоритм, юридические технологии.

В настоящее время магистральным вектором развития в области международного частного права является региональная интеграция экономического характера. Приоритет отдается созданию международных объединений с надгосударственными функциями, которые проводят единую экономическую политику. Господствовавшие ранее идеи о глобальных организациях и выработке общих правил регулирования теряют свою актуальность.

Примером такой региональной экономической наднациональной интеграции выступает Евразийский Союз (ЕАЭС), в рамках которого осуществляется как позитивная, так и негативная интеграция.

Негативная составляющая представляет собой снятие ограничений, минимизацию и уменьшение барьеров и изъятий на пути движения материальных и нематериальных благ между участниками интеграционных процессов. Это практически полностью сфера торговой и предпринимательской деятельности.

Позитивная интеграция, являющаяся следующим шагом, нацелена на сближение национальных законодательств государств-членов ЕАЭС, что непосредственно выражается в координации их внутренней политики в экономической сфере для достижения взаимовыгодных результатов.

Иными словами основной целью позитивной интеграции является складывание в масштабах ЕАЭС единого подхода к экономическому регулированию. Существует несколько уровней координации в зависимости от выделяемых секторов. На пути повышения интенсивности связей от простого к сложному ст. 2 «Определения» Договора о ЕАЭС выделяет три вида координации:

— выработка в рамках органов ЕАЭС общих подходов для дальнейшего сотрудничества государств-членов – это скоординированная политика;

— гармонизация правового регулирования, то есть создание общих правил в национальных законодательствах государств-членов, в том числе на основе решений органов ЕАЭС – это согласованная политика;

— унифицированное правовое регулирование, то есть единое национальное или евразийское законодательство – это единая политика.

При этом следует отметить, что при конкретном правовом регулировании отдельных секторов экономики не всегда четко соблюдается различие в терминах по координации, которые могут рассматриваться как синонимы. Иногда в Договоре о ЕАЭС в принципе не выделяются уровни координации действий государств-членов.

На сегодняшний день семейное право в основной своей массе лежит вне пределов регулирова-

ния евразийского законодательства за исключением отдельных норм, посвященных статусу членов семей трудовых мигрантов, их правам и обязанностям. В силу вышеизложенного говорить о единой политике применительно к семейному праву не приходится.

В то же время длительный опыт общего правового регулирования в рамках дореволюционного и советского права позволяет пропустить этап координации, поскольку между общими подходами (по крайней мере, в теории) государств-членов ЕАЭС в области семейного права серьезных различий не наблюдается.

Таким образом, следует сразу остановиться на сближении законодательства государств-членов в семейных отношениях как первом шаге на пути систематизации этого законодательства. Здесь в первом приближении выделяются две проблемы.

1. Право как регулятор общественных отношений неразрывно связано и вытекает из особенностей существования каждого конкретного общества, поэтому отличается от страны к стране. Единого мирового семейного права хотя бы на уровне понятий не существует. Даже такие общеупотребительные термины как «брак», «семья», «опека», «собственность», «имущество» имеют разное содержание в разных национальных правовых системах. В этом одно из главных отличий права от естественных наук, где сложилась общепризнанная система понятий, используемая во всех государствах.

Следствием такого состояния права является неопределенность правоприменительного процесса, который всегда обусловлен толкованием правовых актов в каждом конкретном случае. Как говорил один из виднейших теоретиков права Р. Луквич: «как правило, почти каждая норма, пусть даже в минимальной степени, меняет свое значение при ее применении в конкретных случаях, каждый из которых имеет свои отличительные черты» [3, с. 292]. Иными словами право всегда носит оценочный, субъективный характер и не может быть сведено к полной абстрактности в отличие от большинства математических построений. Перефразируя теорему Геделя можно сказать, что не существует системы правовых понятий полной и непротиворечивой.

Однако сложность и нерешаемость проблемы еще не означает, что к ней нельзя подступиться и, тем более что нельзя добиться более частных, но не менее важных успехов. Только стремясь к звездам можно взлететь.

В рамках одного государства на национальном уровне право носит более определённый характер, чем на мировом. При этом термины, используемые в законодательстве, всегда уточняются и корректируются при правоприменении, особенно в рамках судопроизводства. Следовательно, возможность и глубина систематизации национального права существенно выше.

Для достижения результата необходимо создание компьютерных инструментов и алгоритмов, в том числе, использующих машинное обучение,

которые помогут ориентироваться в пространстве правовых документов. В качестве такого инструмента предлагается использовать двудольный ориентированный граф, вершины одной доли которого это понятия и термины российского права, а другой – правовые документы. Дули графа – это встречаемость терминов в документах.

Кроме двудольного графа связей терминов и документов, на основе компьютерного анализа большого объема документов, можно сформировать граф связей между терминами: если два термина встречаются в одном параграфе одного документа – можем считать, что между этими терминами есть связь. Если два термина встречаются в одном предложении – то между ними сильная связь.

Такие графы позволят для каждого термина определить его контекст (множество других терминов, связанных с данным). Если у двух терминов контексты имеют большое общее пересечение, то эти термины можно подозревать в близости по смыслу. На основе такого отношения близости можно формировать рекомендательную систему (программный инструмент), предлагающую разработчикам новых правовых документов точнее подбирать термины, находить ссылки на близкие документы и пр.

Один и тот же термин может существовать в документах в разных вариантах: в разных склонениях и, даже, с опечатками. По этой причине искать термин из одного документа в других документах можно с точностью до некоторых отклонений. Этим целям могут служить алгоритмы книги [1]. Поскольку в одном и том же документе может понадобиться искать много терминов, эти документы можно представлять в виде префиксных деревьев [1].

Для поиска похожих мест в документах можно использовать алгоритмы локального выравнивания строк. В [2] представлен высокопроизводительный алгоритм глобального выравнивания строк, использующий распараллеливание, векторизацию и тайлинг. Этот алгоритм может быть преобразован в алгоритм локального выравнивания.

2. Необходимость работы с огромным массивом нормативных актов нескольких государств, которые находятся в постоянном изменении. Только по результатам такой работы с анализом действующего законодательства можно подготовить предложения по созданию общей нормативной базы. Подобную задачу необходимо выполнить в достаточно короткие сроки, иначе она может потерять актуальность, а это не под силу не только одному человеку, но и группе лиц. Надо учитывать, что семейное право существует не в безвоздушном пространстве, поэтому потребуются систематизировать и нормы смежных отраслей, в первую очередь гражданского права.

Подобный объем нормативных актов следует представить как базы данных (Big Data). Необходимость их обработки и использования стала толчком к развитию компьютерных технологий с

элементами искусственного интеллекта. Данный процесс является взаимосвязанным, поскольку, чем больше данных обработает соответствующая компьютерная программа (алгоритм), тем лучше он работает в дальнейшем с иной похожей информацией. Скорость обработки информации постоянно возрастает благодаря удешевлению параллельных вычислений, т.е. способность компьютера выполняет огромное количество задач одновременно. Применительно к сфере юриспруденции в целом этот процесс получил название правовые технологии – юртех (Legal Tech).

В результате становится возможным в достаточно короткие сроки провести анализ всей нормативной базы семейного права государств-членов ЕАЭС, и выработать на этой основе свои предложения по сближению их законодательства с возможной перспективой создания модельного семейного кодекса ЕАЭС. Опираясь на этот кодекс можно будет переходить к единому семейному законодательству ЕАЭС, то есть перейти от согласованной к единой политике.

Для достижения подобной задачи необходимо правильно прописать компьютерный алгоритм, который будет анализировать действующее законодательство стран-участников, что возможно только при совместной работе программистов, математиков и юристов. Последние должны предоставить первым необходимую информацию, а именно:

- основные понятия – поскольку законодательство всех участников выросло из одного корня, они должны совпадать, но юристы должны выделить основные критерии и признаки;
- ключевые слова и словосочетания, которые постоянно используются в соответствующих кодексах – так можно увидеть какие нормы права «пронизывают» весь текст конкретного документа;
- институты и подотрасли по семейному и гражданскому праву и их содержание и отражение в частях, разделах и главах кодексов;
- юридические термины со специальным пониманием и профессиональным использованием, которые отличаются от обыденного значения или по-другому рассматриваются в иных областях науки и жизни.

В результате проведенный анализ покажет, какая часть национальных кодексов совпадает полностью или практически полностью, какая отличается в деталях и где наблюдаются серьезные расхождения. В первом случае совпадающий текст закона можно смело переносить в модельный кодекс при незначительных правках. Во втором потребуются консультации специалистов, возможно узкой направленности, с целью выбора и написания наиболее приемлемой редакции из существующих вариантов. Третья разновидность, скорее всего, будет охватывать ситуации, когда некая проблема урегулирована в одних национальных кодексах и неизвестна другим. Отсутствие регулирования на уровне кодекса может означать не просто невнимательность конкретного законодателя, а рассмотрение данного вопроса в рамках

отдельного закона или подзаконного акта. Соответственно специалисты должны решить, насколько необходимо включать эти положения в модельный кодекс.

По сути, на долю компьютера выпадает первичный анализ ситуации с предоставлением первых данных, а подробное глубокое изучение и выработка итоговых документов остается задачей для людей-специалистов. Сочетание работы человека и компьютера – это единственный шанс для создания модельных кодексов ЕАЭС по отдельным отраслям права, которые должны стать преемниками основ законодательства СССР и союзных республик.

Литература

1. Гасфилд, Дэн. Строки, деревья и последовательности в алгоритмах: Информатика и вычисл. биология / Дэн Гасфилд ; Пер. с англ. И.В. Романовского. – СПб. : Невский диалект : БХВ-Петербург, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). – 653 с. : ил.; 24 см.; ISBN 5–7940–0103–8 (Нев. диалект)
2. Абу-Халил Ж.М., Гуда С.А., Штейнберг Б.Я. Перенос параллельных программ без потери эффективности. Открытые системы. СУБД, 2015, №4, стр. 18–19, журнал выходит в США: Open Systems Journal, (ISSN 1028–7493)
3. Р. Лукич Методология права М: Прогресс, 1981. 304 с.

Convergence of family legislation of the EAEU member states with the help of LEGAL TECH

Kozlov D.V.

Southern Federal University

The article describes the possibility of convergence of family law within the EAEU and related problems. The first is manifested in the different content of the same definitions in different national systems of law and the uncertainty of law enforcement processes. The second reflects the inability of a person in a short time to process a large array of legal norms. To solve these problems, it is proposed to use the achievements of legal technologies. Computer algorithms with elements of artificial intelligence based on bipartite graphs designed to work with big data are considered as tools.

Keywords: model family law, convergence of legislation, EAEU, big data, bipartite graph, computer algorithm, legal tech.

References

1. Gasfield, Dan. Strings, Trees, and Sequences in Algorithms: Informatics and Vychisl. biology / Dan Gasfield; Per. from English I.V. Romanovsky. - SPb. : Nevsky dialect: BHV-Petersburg, 2003 (Academic type. Science of the Russian Academy of Sciences). - 653 p. : ill. ; 24 cm; ISBN 5–7940–0103–8 (New dialect)
2. Abu-Khalil Zh.M., Guda S.A., Steinberg B.Ya. Porting parallel programs without losing efficiency. Open systems. DBMS, 2015, No. 4, pp. 18-19, the journal is published in the USA: Open Systems Journal, (ISSN 1028-7493)
3. Lukich R. Methodology of law M: Progress, 1981. 304 p.

Право родителей на ограничение информационного пространства ребенка: отечественный и зарубежный опыт

Ландина Ольга Викторовна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и
процесса юридического института
Северо-Кавказского Федерального Университета

В статье рассматриваются модели обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних лиц в интернет-пространстве, отмечается общая тенденция развития национальной политики в направлении воспитания просвещенного пользователя, обосновывается необходимость введения возрастных ограничений по самостоятельному пользованию в социальных сетях, информационного просвещения родителей о формах технического контроля за интернет-пользованием ребенка.

Ключевые слова: ребенок, несовершеннолетний, информационное пространство, контент, интернет-активность, родительский контроль

В настоящее время развитие современных технологий коренным образом меняет представление о формах массовой коммуникации в обществе. Получение информации из таких источников, как печатные издания, радио и телевидение не идет ни в какое сравнение с сетью Интернет, делающей ее доступной практически для неограниченного круга людей, в том числе и для несовершеннолетних лиц.

Современное информационное пространство не имеет привычных границ. Это свойство позволяет обмениваться информацией на значительном расстоянии, практически мгновенно, что бесценно в точки зрения коммуникации. Кроме того, являясь хранилищем информации, может использоваться для оперативного решения множества задач разного рода.

Наряду с несомненными плюсами использования таких возможностей, можно выделить и минусы – во-первых, ребенок в силу возраста не способен критически оценивать полученную информацию, поэтому может оказаться в небезопасной для него среде, во-вторых, виртуальная реальность может подменить для ребенка реальную жизнь; в-третьих, он может оказаться под негативным влиянием, стать жертвой обмана либо быть вовлеченным в совершение преступления.

Важность обеспечения информационной безопасности ребенка в этом случае не вызывает сомнения. Еще до конца не сформировавшаяся детская психика является наиболее уязвимой, а восприятие детьми любой информации требует особого внимания со стороны их родителей. Несомненно, информация, преподнесенная определенным образом, способствует формированию потребностей индивида, его убеждений, предпочтений.

Поскольку именно на родителей, в первую очередь, возлагается обязанность заботы о физическом и духовном развитии своего ребенка, то бездействие в этом вопросе чревато самыми неблагоприятными последствиями. Следствием деформации трансляции ценностей со стороны систем массового информирования могут быть необратимые искажения личности, его нравственной и эмоциональной саморегуляции, что, в конечном счете, приведет к утрате автономии личности.[1]

Активность молодежи в пользовании Интернетом возрастает год от года, в том числе за счет

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00567*

применения в качестве устройств доступа мобильных телефонов. Россия входит в 10 стран с наибольшим количеством пользователей в мире. [2]

Интернет-пространство стало важной составляющей жизни современного ребенка. Он, в отличие от своих родителей все более в раннем возрасте знакомится с информационными технологиями, которые становятся, по мнению специалистов, наряду с традиционной семьей и школой важным элементом социализации детей. [3] Поэтому защита молодого поколения от вредной информации в глобальной сети стала важной национальной проблемой практически всех стран.

В странах, где Интернет-связь появилась гораздо ранее, чем в России, в первую очередь, возникла необходимость оградить несовершеннолетних от вредного контента. Практически во всех ведущих странах мира приняты законы, которые содержат запреты и ограничения на распространение среди несовершеннолетних информации, способной разрушить их нравственность и благополучие, устанавливается административная и уголовная ответственность за незаконный оборот информационной продукции. В некоторых странах сформированы контрольно-надзорные органы по защите детей от вредной информации. [4]

Так, с целью обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних лиц в США еще с 2001 года действует «Акт о защите детей в Интернете» (Children's Internet Protection Act, CIPA). В Германии, специальные структуры, осуществляющие контроль за содержанием информационного пространства ведут так называемый «черный список», в который могут быть занесены интернет-ресурсы экстремистского и порнографического характера. Есть и специальное законодательство (Закон «О распространении материалов, вредных для молодежи» (Act To Regulate The Dissemination of Writings and Media Contents Harmful to Young Persons) от 1953 г. и Закон «О барьерах в Интернете» от 2009 г.), позволяющее оценить интернет-ресурс, как опасный. Достаточно жестким является регулирование информационной безопасности в Китае, где с 2005 года анонимность в интернете запрещена. А совсем недавно властями Китая был установлен запрет детям играть онлайн-игры в ночное время, установлены требования к тематике и содержанию игрового процесса, закреплена уголовная ответственность за размещение информации, содержащей распространение непристойности, порнографии, иной негативной информации способствующей формированию антисоциального поведения, а также за искажение истории, проводится отслеживание интернет-активности пользователей интернет-игр. [5]

В России также был принят ряд законов, которые направлены на обеспечение информационной безопасности ребенка. В соответствии с п. 1 ст. 14 Федерального закона от 24.06.1998 г № 149-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» устанавливается обязанность государства в принятии мер по охране ребенка от

информации, пропаганды и агитации, наносящих вред здоровью, духовному и нравственному развитию ребенка. В декабре 2010 года был принят Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», который содержит нормы, направленные на обеспечение информационной безопасности детей, основания и порядок возрастной классификации информационной продукции для детей, а также требования к распространению информационной продукции с использованием информационно-коммуникационных сетей общего пользования, порядок экспертизы информационной продукции. Так, к числу видов информации, которые могут рассматриваться как причиняющие вред здоровью или развитию детей была отнесена информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу для их жизни или здоровья, информация, способная вызвать агрессию и провоцировать жестокое поведение и насильственные действия по отношению к людям и животным, информация, оправдывающая различные формы противоправного поведения в обществе.

Следует признать, что данные нормативно-правые акты, в целом, призваны контролировать информационных посредников, как осуществляющих передачу в Интернет-сеть, так и предоставляющих возможность размещения и доступа к соответствующим материалам.

И если возможно обеспечить ограничение либо запрет доступа подростков к «взрослой» информации в местах общественного пребывания (например, учебное заведение), то «домашнее использование» ресурсов сети Интернет имеет некоторые трудности. Поэтому основная нагрузка в отслеживании поведения ребенка в Интернет-пространстве ложиться, в первую очередь, на родителя.

В настоящее время, государственная политика в сфере защиты информационной безопасности ребенка развивается в направлении воспитания просвещенного пользователя. Так, например, в рамках объявленного в России в 2018–2027 году десятилетия детства [6] Правительством РФ в плане мероприятий до 2020 года был выделено мероприятие «Безопасное информационное пространство для детей». В результате реализации комплекса мероприятий ставиться цель повышения медиаграмотности детей, информированности детей, их родителей (законных представителей) о рисках и угрозах, существующих в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», просвещение родителей о методах обеспечения защиты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Просвещение о правилах безопасности не только детей, но и их родителей необходимо, поскольку, по сравнению с некоторыми зарубежными государствами в России пока отмечается значительный разрыв между интернет-активностью родителей и детей. [7]

Основную ответственность за использование Интернет-ресурсов детьми несут их родители, по-

сколькo неконтролируемая интернет-активность, по мнению специалистов, влияет на духовное и нравственное развитие детей, что в будущем негативно сказывается на их социализации.

Родительский контроль в отношении информационного пространства ребенка может проявляться в следующих формах:

во-первых, родители могут устанавливать количество времени, которое может проводить ребенок в социальных сетях, либо знакомиться с определенным контентом, размещенным в сети-Интернет;

во-вторых, возможна установка специальных программ, которые позволят блокировать доступ к недопустимому для соответствующего возраста контенту;

в-третьих, для запрещения доступа к Интернет-ресурсам родители могут воспользоваться контентной фильтрацией интернет-трафика для детей (например, интернет-шлюзом «Интернет Контроль Сервер»).

Однако эти меры могут быть недостаточны для ограждения несовершеннолетних от незаконной информации либо возникновения зависимости от интернет-пользования. Полагаем, что способствовать родительскому контролю будет обеспечение технического ограничения доступа в социальные сети, установление на законодательном уровне возраста, с которого ребенок может пользоваться социальными сетями самостоятельно.

Европейским парламентом совсем недавно был принят Регламент, запрещающий несовершеннолетним, с целью защиты их персональных данных, создавать в социальных сетях аккаунты и предусмотрена строгая ответственность за нарушение данного запрета в отношении владельцев социальных сетей. [8] Рекомендации относительно минимального возраста несовершеннолетнего варьируются между 13 и 16 годами. Подобные правила действуют и в США. Возможность открытия личного аккаунта предусмотрена только по достижении 13 лет. В странах Европы также установлен такой минимальный возраст для некоторых соцсетей, например, во Франции подросток старше 15 лет может самостоятельно управлять аккаунтом в Google, в Германии – старше 16 лет. Полагаем, что подобные ограничения должны быть закреплены в российском праве. Способствовать выполнению такого закона будет также повышение общей интернет-культуры поведения в сети Интернет.

В юридической литературе высказывается мнение, что отстранение родителя от контроля в отношении информации, с которой знакомится его ребенок, неприятие мер, которые бы оградили ребенка от вредной для него информации, следует рассматривать как уклонение либо злоупотребление родительскими правами, что может явиться основанием для привлечения такого родителя к ответственности. Руководствуясь таким подходом, получается, что право родителя на контроль в отношении информационной продукции, с которой может знакомиться его ребенок, рассматривается

в качестве обязанности, неисполнение которой чревато привлечением к ответственности.

Однако необходимо учитывать реальные возможности такого контроля, а привлечение к ответственности рассматривать как крайнюю меру.

Литература

1. Полянина А.К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. – 2015. – № 2. – С. 35.

2. Воскресенская Е.В. Сравнительно-правовой анализ законодательств зарубежных стран в сфере защиты прав граждан в сети интернет // Colloquium-journal. – 2019. – № 20(44). – С. 4.

3. Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 71–76.

4. Матвеева Е.В. К вопросу об информационной защите несовершеннолетних // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2010. – 14. – С. 254.

5. В Китае запретили онлайн игры для защиты детей // <https://via-midgard.com/news/article/v-kitae-zapretili-onlajn-igry-dlya-zashhity-detej.htm> (дата доступа 20.11.2019 г.)

6. Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.05.2017

7. Кобзева С.В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. – 2017. – № 2. – С. 33 – 39.

8. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR) // <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679> (дата доступа 20.11.2019 г.).

The Right Of Parents To Limit The Information Space Of The Child: Domestic And Foreign experience Landina O.V.

North Caucasus Federal University

The article considers the models of information security of minors in the Internet space, notes the General trend of development of the national policy in the direction of educating an educated user, justifies the need to introduce age restrictions on independent use in social networks, information education of parents about the forms of technical control over the Internet use of the child.

Keywords: child, minor, information space, content, Internet activity, parental control

References

1. Polyamina A.K. Family and legal responsibility of parents for improper fulfillment of the obligation to ensure information security of children // Family and housing law. - 2015. - No. 2. - P. 35.
2. Voskresenskaya E.V. Comparative legal analysis of the laws of foreign countries in the field of protecting the rights of citizens

- on the Internet // Colloquium-journal. - 2019. - No. 20 (44). - S. 4.
3. Rybakov O.Yu. Development priorities of the information society in Russia: legal support // Monitoring of law enforcement. - 2017. - No. 3 (24). - S. 71–76.
  4. Matveeva E.V. On the issue of information protection of minors // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economy. Control. Right". - 2010. -- 14. - S. 254.
  5. In China, online games to protect children were banned // <https://via-midgard.com/news/article/v-kitae-zapretili-onlajn-igry-dlya-zashhity-detej.htm> (accessed 20.11. .)
  6. Decree of the President of the Russian Federation of 05/29/2017. No. 240 "On the Announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 05/29/2017
  7. Kobzeva S.V. Protection of the rights of minors from threats on the Internet // Information law. - 2017. - No. 2. - P. 33 - 39.
  8. Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2016/679 of April 27, 2016 on the protection of natural persons in the processing of personal data and on the free circulation of such data, as well as repealing Directive 95/46 / EC (General Data Protection Regulation / General Data Protection Regulation / GDPR) // <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679> (accessed 20.11.2019).

Проблемы правового регулирования признания иностранных браков

Титов Илья Евгеньевич,

адвокат по семейным делам и разводам, преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), it@ilya-titov.ru

В статье анализируются положения ст.158 Семейного кодекса Российской Федерации, регулирующей вопросы признания браков, заключенных за пределами территории Российской Федерации, а также практические особенности применения данной статьи при признании однополых и ранних («детских») браков.

Ключевые слова: признание браков; ранние («детские») браки; однополые браки; трансграничные семейные отношения

В соответствии с положениями ст.158 Семейного Кодекса Российской Федерации (СК РФ) браки между гражданами Российской Федерации и браки между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами или лицами без гражданства, заключенные за пределами территории Российской Федерации с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в Российской Федерации, если отсутствуют предусмотренные статьей 14 СК РФ обстоятельства, препятствующие заключению брака.

Из указанной нормы следует, что единственным ограничением для признания «зарубежного» брака является наличие обстоятельств, предусмотренных ст.14 СК РФ. Никаких других ограничений ст.158 СК РФ не содержит.

В связи с тем, что вопросы признания браков, заключенных за рубежом, императивно регулируются положениями семейного законодательства России, вопрос о признании таких браков в отсутствие обстоятельств, предусмотренных ст. 14 СК РФ имеет серьезное практическое значение. В частности, отсутствует однозначное понимание возможности признания однополых браков, а также ранних («детских») браков, заключенных за границей.

Детскими браками признаются браки, совершенные с лицами, не достигшими возраста 18 лет. Согласно информации ЮНИСЕФ 12 миллионов девочек в возрасте до 18 лет ежегодно вступают в брак [1]. В ряде государств мира минимальный брачный возраст либо не установлен вообще, либо не достигает 18 лет.

В настоящий момент 29 стран мира признают законным заключение однополых браков, т.е. заключаемых между лицами одного пола [2].

Таким образом, брак, заключенный на территории государств, одобряющих однополые браки или ранние браки, в том числе заключенный российским гражданином, позволит поставить вопрос о возможности признания такого брака на территории РФ. Примечательно, что российские граждане в силу прямого указания статьи могут выехать за рубеж и преодолеть возрастные или гендерные запреты, заключив брак в том государстве, где такие возможности предоставлены законом.

Показательным примером можно считать историю Павла Стоцко и Евгения Войцеховского, кото-

рые 04.01.2018 г. заключили между собой брак на территории Дании. Некоторое время спустя надлежащим образом оформленные документы о заключении брака были представлены в российский МФЦ для проставления в паспортах штампов, подтверждающих факт заключения брака за рубежом.

Должностным лицом указанные документы были приняты. В штампах появились соответствующие отметки.

Почти незамедлительно на сайте МВД появляется информация о проведении служебной проверки по данному факту: «...по результатам которой сотрудница, допустившая нарушения законодательства Российской Федерации, и ее непосредственный руководитель будут уволены из органов внутренних дел. Паспорта указанных граждан включены в федеральную базу данных недействительных паспортов» [3].

Более того, в отношении мужчин возбуждены дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 19.16 КоАП РФ «Умышленная порча документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), либо утрата документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), по небрежности» [4]. Паспорта были изъяты.

Данная история послужила основанием для поиска упомянутыми гражданами убежища за рубежом со ссылкой на дискриминацию, которой они подвергаются в родной стране. Одновременно с этим юристы принялись обсуждать вопрос о правовом регулировании признания иностранных браков в России.

Очевидно, что положения ст. 158 СК РФ не содержат буквального запрета на признание ранних или однополых браков, заключенных за рубежом с соблюдением законодательства иностранного государства.

Так, например, Р. Бевзенко в своем блоге предложил историческое и телеологическое толкование положений ст.158 СК РФ: «Впервые легализация гей-браков произошла в Нидерландах в 2001 году. Поэтому исходить из того, что исторический законодатель в 1995 г. намеревался признавать в России гей-браки россиян, совершенные за рубежом, это неправильно»... « Законодательное определение брака как союза мужчины и женщины также подсказывает, что по смыслу ст. 14 СК в России не может быть признан гомосексуальный брак, совершенный гражданами РФ за рубежом» [5].

С данной позицией сложно согласиться.

Во-первых, автор не указывает, как из смысла ст. 14 СК РФ выводится запрет на однополые браки.

Во-вторых, если законодатель не урегулировал какую-либо сферу общественных отношений, но у него имеется четкая позиция по такому вопросу, ничто не мешает внести соответствующие изменения в закон, адаптируя его к новым реалиям.

При этом, рассматриваемое толкование не позволяет избежать признания ранних браков.

В дискуссии также была приведена ссылка на работу Н.А. Алексеева: «...суд должен рассматривать возможность применения норм иностранного семейного права, которое, в соответствии со ст. 167 Семейного кодекса РФ, как уже отмечалось, не применяется в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка Российской Федерации. Основы правопорядка закрепляются в ст. 1 Семейного кодекса. Часть 3 этой статьи определяет брак как союз между мужчиной и женщиной. Соответственно, суд со всей очевидностью откажет в признании законности однополого брака, заключенного на территории иностранного государства» [6].

Ссылка на ст. 167 СК РФ не выдерживает никакой критики хотя бы потому, что положения указанной статьи касаются отказа в применении норм иностранного права, к которым вряд ли относятся положения ст. 158 того же самого Семейного кодекса РФ.

Некоторые авторы полагают, что признание однополого брака невозможно, исходя из совокупного толкования положений п.3 ст.1 СК РФ, а также п. 1 ст.12 СК РФ. Указанные нормы говорят о браке, как о союзе одного мужчины и одной женщины. К сожалению, приведенное толкование не снимает проблемы признания ранних браков.

Такой подход подтверждает необходимость последовательного регулирования брачных отношений. Если браком в РФ признается только союз мужчины и женщины, то подобные положения должны быть прямо отражены в законе, а также последовательно указываться в нормах, где это необходимо.

Более того, в ст. 158 СК РФ речь идет о признании браков, заключенных за рубежом с соблюдением местного законодательства. Понятие «брак» в разных правовых системах может существенно отличаться. Если речь идет про признание иностранных браков, то очевидно, сам термин «брак», порядок заключения таких браков, их прекращения и признания недействительными будут определяться национальным законодательством, но никак не законодательством РФ. При ином толковании следует признать, что в ст.158 СК РФ прямо должно быть указано на возможность признания в России только таких браков, которые попадают под определение брака, установленное СК РФ. В совокупности с нормой о возможности заключения брака в органах ЗАГС, положения указанной статьи вообще утратят всякий смысл.

Прямое указание на невозможность признания «зарубежного» брака, противоречащего положениям ст.1 СК РФ и ст. 12 СК РФ, а также брака, заключенного с лицом, не достигшим определенного минимального возраста, полностью устранило бы правовую неопределенность в таком вопросе.

Указание в ст. 158 СК РФ на невозможность признания брака, противоречащего публичному порядку без указания четких критериев, наоборот, усугубит существующую неопределенность. Действующие положения закона предусматривают признание Российской Федерацией брака, заклю-

ченного на территории иностранного государства при соблюдении законодательства иностранного государства и отсутствии препятствий, установленных ст.14 СК РФ. Примечательно, что такой брак признается на территории России без каких-либо дополнительных условий или действий. Иными словами, наличие или отсутствие штампа в паспортах граждан не влияет на прямое применение ст.158 СК РФ.

Административные регламенты не возлагают на должностное лицо обязанность определять соответствие условий заключения брака публичному порядку государства. Обратное означало бы возложение на административного сотрудника не только обязанности проверить соответствие документов и их содержания формальным признакам, но и обязанности изучать и толковать национальное и зарубежное право. Такой подход явно не соответствует сложившейся тенденции предоставления государством «услуг» населению, а также принципу законности. Принцип законности подразумевает, что государство должно четко и недвусмысленно изложить требования, соблюдение которых необходимо для реализации права лица, а также не ставить возможность реализации такого права в зависимость от усмотрения должностного лица.

При таких обстоятельствах, изменение положений ст. 158 СК РФ в части установления ограничений для признания браков, заключенных за рубежом, позволит исключить правовую неопределенность, регулировать семейные отношения с учетом сложившихся традиций.

Литература

1. <https://www.unicef.org/stories/child-marriage-around-world> (Дата обращения 07.12.2019)
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BA (Дата обращения 07.12.2019)
3. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12144572> (Дата обращения 07.12.2019)
4. <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12148596/> (Дата обращения 07.12.2019)
5. https://zakon.ru/blog/2018/1/28/istoriya_o_gej-brake_dvuh_rossiyan_s_tochki_zreniya_grammaticeskogo_istoricheskogo_i_teleologichesk (Дата обращения 07.12.2019)
6. Н.А. Алексеев. Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств. М.: Бек, 2002. С. 218

Problems of legal regulation of recognition of foreign marriages

Titov I.E.

National Research University Higher School of Economics

The article analyzes the provisions of article 158 of the Family code of the Russian Federation regulating the recognition of "abroad" marriages (when parties enter into marriage outside the territory of the Russian Federation), as well as practical issues of the recognition of same-sex and early («child») marriages.

Keywords: recognition of marriages; early («child») marriage; same-sex marriage; cross-border family relations

References

1. <https://www.unicef.org/stories/child-marriage-around-world> (Date of treatment 12/07/2019)
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BA (Date of treatment 12/07/2019)
3. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12144572> (Date of treatment 12/07/2019)
4. <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12148596/> (Date of treatment 12/07/2019)
5. https://zakon.ru/blog/2018/1/28/istoriya_o_gej-brake_dvuh_rossiyan_s_tochki_zreniya_grammaticeskogo_istoricheskogo_i_teleologichesk (Date of access 07.12.2019)
6. N.A. Alekseev. Legal regulation of the situation of sexual minorities. M.: Beck, 2002.S. 218

Историко-правовой аспект развития искусственного интеллекта

Косаренко Николай Николаевич

к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Искусственный интеллект в современном мире сегодня широко применяется во многих сферах биотехнологии, робототехники и других областях. Практически все они стремительно развиваются. В последнее время наблюдается возрастание интереса к искусственному интеллекту, вызванное повышением требований к информационным системам. В статье анализируются актуальные проблемы формирования технологии искусственного интеллекта с точки зрения исторического развития.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, информационные системы, право, интернет, интеллект, компьютер, робототехника.

Общество неуклонно движемся к новой информационной революции, сравнимой по масштабам с развитием Интернета, имя которой - искусственный интеллект. Именно здесь решаются многие коренные вопросы, связанные с путями развития научной мысли, с воздействием достижений в области вычислительной техники и робототехники на жизнь будущих поколений людей.

Искусственный интеллект выступает важным элементом развития Четвертой промышленной революции. Его расширяющееся использование на практике требует «включения» данного явления в сферу правового регулирования. Правовое регулирование вопросов, связанных с развитием и использованием искусственного интеллекта, является не простой задачей. Специалисты и эксперты в данной сфере придерживаются различных взглядов на то, какие области и виды деятельности следует урегулировать, и предлагаемые ими подходы к нормативному регулированию существенно отличаются друг от друга.

Надежный искусственный интеллект (в дальнейшем тексте – ИИ) может принести много преимуществ, таких как лучшее здравоохранение, более безопасный и чистый транспорт, более эффективное производство, более дешевая и более устойчивая энергетика. Подход государств разных стран к ИИ даст людям уверенность, чтобы принять эти технологии и поощряя бизнес развивать их.

Например, современные системы подводной оптической связи (ПОС) также, как для сбора данных со стационарных датчиков сенсорных сетей, так и для управления беспилотными подводными аппаратами. Наряду с этим, основная сложность заключается в том, что для передачи на глубоководные объекты сигналов управления современные СНЧ-НЧ радиопередатчики являются стационарными, что снижает их оперативно-мобильное перемещение, что крайне важно для ряда задач, например, при ликвидации чрезвычайных ситуаций возникающих с глубоководными объектами.

В настоящее время Президент Российской Федерации В.В. Путин поставил задачу создания за короткий промежуток времени актуальной и объективной законодательной базы, где будут отражены как действующие, так и новые подходы к пониманию технологий, использующих искусственный интеллект, что в свою очередь должно упростить развитие данных технологий.

Впервые термин «искусственный интеллект» появился в середине XX века. В этот период многие ученые начали исследовать новый подход к интеллектуальному машиностроению, на основе

последних открытий в нейробиологии и новой математической информации. Эволюция кибернетики и изобретение цифрового компьютера, который мог имитировать процесс вычислительного мышления человека.

В 1950 году английским учёным Аланом Тьюрингом была опубликована статья «Способна ли машина мыслить?». В этой статье он предлагает определять степень разумности машины с помощью разработанного им теста, впоследствии получившего название «тест Тьюринга», который означает оценку интеллекта компьютера и классификацию его как интеллектуального, если он может имитировать человеческий разум.

Через год после появления теста Тьюринга Кристофер Стрейчи (Christopher Strachey), в то время возглавлявший отдел исследований программирования Оксфордского университета, создал первую программу, использующую искусственный интеллект. Антони Эттингер (Anthony Oettinger) из Кембриджского университета разработал компьютерное моделирование процесса покупок человека в нескольких магазинах, целью которого было измерить способность компьютера к обучению, и это был первый успешный эксперимент того, что известно как машинное обучение.

Концепция искусственного интеллекта была официально объявлена в 1956 году в Дартмутском колледже, но не развивалась в течение почти двадцати лет, возможно, из-за ограниченных вычислительных возможностей, которые были доступны в то время. В 1979 году был построен Стэнфордский автомобиль, первый автомобиль, управляемый компьютером. В 1997 году первый компьютер смог обыграть соперника человека в шахматы, и темпы ускорения в искусственном интеллекте начались в начале XXI века, пока интерактивные роботы не стали доступны в магазинах, и даже вышли за рамки этого, чтобы стать роботом, который взаимодействует с различными эмоциями через мимику, и другими роботами, которые стали сложными задачами, такими как Nomad, который выполняет задачу поиска и исследования удаленных мест на Южном полюсе и обнаружения метеоритов в регионе.

Термин интеллект (intelligence) происходит от латинского intellectus -- что означает ум, рассудок, разум; мыслительные способности человека. Соответственно искусственный интеллект (artificial intelligence) обычно толкуется как свойство автоматических систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека, например, выбирать и принимать оптимальные решения на основе ранее полученного опыта и рационального анализа внешних воздействий.

Впервые термин «искусственный интеллект» появился в середине XX века. В этот период многие ученые начали исследовать новый подход к интеллектуальному машиностроению, на основе последних открытий в нейробиологии и новой математической информации. Эволюция кибернетики и изобретение цифрового компьютера, который мог имитировать процесс вычислительного мыш-

ления человека. Новые машины были способны производить вычисления гораздо быстрее человека, поэтому учёные задумались о возможности создания вычислительных машин, достигших уровня развития людей.

Технологии искусственного интеллекта – это научно-техническое направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи по аппаратному и программному моделированию видов человеческой деятельности, которые относятся к интеллектуальным¹.

Если компьютер демонстрирует когнитивные способности, присущие людям, то это и называется искусственным интеллектом. Технологии искусственного интеллекта формируют комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (в том числе, самообучение и поиск решений при отсутствии заранее заданного алгоритма) и при выполнении задач достигать результатов, как минимум сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека, а как максимум значительно превосходящих человеческие возможности².

В группу технологий искусственного интеллекта включаются: технологии обработки текстов на естественном языке, распознавания и синтеза речи, компьютерного зрения, разработки интеллектуальных систем поддержки принятия решений и т.д.

По мнению И.А. Филиповой, искусственный интеллект - это часть «сквозных» технологий. «Сквозные» технологии – это ключевые научно-технические направления, оказывающие наиболее сильное влияние на развитие современной экономики, проникая во все или многие ее отрасли.

В качестве «сквозных» технологий помимо перечисленных выше могут быть названы также технологии Big Data и «интернета вещей» (Internet of Things).

Исходя из наименования ряда цифровых технологий «сквозными» понятно, что они развиваются не изолированно. К примеру, технологии искусственного интеллекта находятся в тесной связке с робототехническими технологиями, продуктом которых может быть не просто программный робот, создаваемый для выполнения определенной четко запрограммированной последовательности действий в рамках какого-либо процесса, а «умный» робот, наделенный искусственным интеллектом. Возможности систем искусственного интеллекта и технологий промышленного «интернета вещей» позволяют создавать «умные» производства – Smart Manufacturing – которые могут функционировать практически без вмешательства человека, так как включают интеллектуальные системы управления технологическими процессами и объ-

¹Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.

² Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2020. 90 с.

единяют в единую структуру системы управления организаций любого профиля³.

Важным моментом в анализе понятия искусственный интеллект играет правовая категория «услуга». Искусственный интеллект и информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» меняют формы и способы социальной и межличностной коммуникации и в свою очередь требуют пересмотра основных понятий в праве. Большое распространение получают работы российских и зарубежных учёных, в которых объясняется правовая природа систем искусственного интеллекта и возможность их специального правового регулирования.

Одной из проблем является разграничение понятий услуги и работы применительно к созданию программного обеспечения, которое обеспечивает функционирование искусственного интеллекта. Зарубежные исследователи отмечают, что прежде, чем рассматривать возможности реформирования различных институтов права в связи с активное внедрение ИИ, необходимо ответить на вопрос о том, что представляет собой процесс по созданию программного обеспечения для систем ИИ: результат работ разработчика или услугу по созданию такого ПО.

Услуга — это вид блага, служащий средством удовлетворения потребностей за счет осуществления деятельности, в полезных свойствах которой и состоит интерес заказчика и на которую у последнего возникает право требования. Можно предположить, что если деятельность по созданию ПО отнести к услугам, то разработчик не может нести ответственность за сбой в работе ИИ, так как результат не может быть гарантирован исполнителем. Если рассматриваемую категорию отнести к числу подрядных работ, то разработчик должен нести ответственность во всех случаях, поскольку качество конечного продукта должно быть гарантировано так же, как и при создании любых других объектов.

В своей работе J.K.C. Kingston указывает примеры, когда зарубежные авторы причисляют программное обеспечение к продуктам, то есть к результатам работ, а когда – к услугам. Однозначного ответа на вопрос о природе рассматриваемого явления на основе англо-саксонского подхода в работе данного автора не даётся.

Российский законодатель в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации услугу относит к числу самостоятельного объекта гражданских правоотношений. Программное обеспечение для ИИ по российскому законодательству рассматривается как объект авторского права. Но программы для ЭВМ, используемые для обеспечения деятельности конкретной системы искусственного интеллекта, в своей совокупности, существенно отличаются от других компьютерных алгоритмов (программ).

Такие программы уникальны, поскольку они могут самостоятельно учиться, собирать опыт и «придумывать» различные решения, основанные на анализе разных ситуаций независимо от воли их разработчиков (программистов).

Любые иные объекты материального или виртуального мира не наделены свойством автономности. Поэтому термин «гарантия качества» может распространяться лишь на те алгоритмы, которые закладывались в данный продукт при производстве и не может распространяться на те действия, которые были совершены на основе процесса самообучения. Последнее положение приближает нас более к понятию услуги, нежели работы. Распространение и массовое использование систем ИИ в ближайшем будущем существенно отразится на услугах как правовой категории. Создание программного обеспечения для систем искусственного интеллекта по российскому законодательству тяготеет более к обязательствам по оказанию услуг. Однако, сам институт услуг в будущем потеряет своё самостоятельное значение. В целом, возможные недостатки в работе ИИ, не связанные с неправильной эксплуатацией или воздействием третьих лиц, потребует установления причинно-следственной связи между действиями программиста и конечным продуктом, что будет весьма затруднительным. Поэтому рассмотрение процесса создания ПО для ИИ в качестве услуги будет являться более предпочтительной. Для создания гарантий безопасности ИИ необходима разработка иных правовых конструкций.

С учётом вышесказанного, правовое регулирование обеспечения деятельности ИИ должно развиваться последовательно, с предварительным исследованием всех рисков, предполагаемых на современном этапе развития техники, и специфики использования искусственного интеллекта в различных сферах. При этом необходимо обеспечить баланс между интересами общества и отдельных индивидов, в том числе безопасность и необходимость развития инноваций в интересах общества.

Можно смело говорить о том, что сегодня системы искусственного интеллекта, которые уже существуют в практике играют важную роль в обществе.

Литература

1. Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.

2. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2020. 90 с.

³ Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2020. 90 с.

Historical and legal aspect of the development of artificial intelligence

Kosarenko N.N.

Plekhanov Russian University of Economics

Artificial intelligence in the modern world today is widely used in many areas of biotechnology, robotics and other fields. Almost all of them are developing rapidly. Recently, there has been an increase in interest in artificial intelligence, caused by increased requirements for information systems. The article analyzes the actual problems of the formation of artificial intelligence technology from the point of view of historical development.

Keywords: Artificial intelligence, information systems, law, Internet, intelligence, computer, robotics.

References

1. Averkin A.N., Gaaze-Rapoport M.G., Pospelov D.A. Explanatory Dictionary of Artificial Intelligence. M.: Radio and communication, 1992.256 p.
2. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: a tutorial. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2020.90 p.

«Состязательная экспертиза» в российском уголовном процессе

Ватутина О.Ю.

ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, адвокат, член ННО «АК «АЛИБИ»

В настоящей статье автор исследует проблему состязательности специальных знаний в российском уголовном процессе. Дается оценка типам экспертиз, выделяемым в теории уголовного процесса. Оценивается характерный для российского уголовного процесса тип экспертизы, а также попытка законодателя найти компромисс между континентальной экспертизой, традиционной для российского уголовного процесса и англосаксонской моделями экспертизы. Автором формулируется тезис о реализации законодателем состязательной экспертизы англосаксонского типа в уголовном процессе Российской Федерации, посредством введения в процесс такого вида доказательств, как заключение специалиста и показания специалиста.

Ключевые слова: специалист, эксперт, специальные знания, защитник, состязательность.

Вопросы состязательности в уголовном процессе являются одними из самых актуальных, поскольку, именно конституционным принципом состязательности и равноправия сторон определяются процессуальные взаимоотношения участников процесса. Несмотря на то, что единого подхода к содержанию указанного принципа в науке уголовного процесса не сложилось [2, с. 299], в подходах романо-германской и англосаксонской систем к его реализации сегодня имеются определенные сходства и тенденция к сближению, проявляющаяся также в реализации отдельных этапов доказывания.

Особенно ярко сближение проявляется в столь специфической области уголовного процесса, как область специальных знаний. Классическим проявлением подобного «сближения» явилось принятие в 2003 году Федерального закона № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», введение в российский уголовный процесс новых видов доказательств – заключение специалиста и показания специалиста. Именно с этого момента о состязательности при использовании специальных знаний, стало возможно говорить не только как о состязательности двух (или более) судебных экспертиз, имеющихся в материалах уголовного дела и произведенных по назначению, лица, осуществляющего производство по уголовному делу, но и как о состязательности заключения судебного эксперта и заключения специалиста, привлеченного стороной защиты.

В классическом уголовном процессе романо-германской модели, когда «установление того или иного факта выходит за пределы компетенции органа расследования или правосудия и требует специальных знаний, этот орган прибегает по своей инициативе или по просьбе сторон к помощи эксперта для дачи заключения по поставленным вопросам» [2, с. 501]. То есть, назначается и производится судебная экспертиза, результатом которой становится заключение эксперта, выводы лица, обладающего специальными знаниями по результатам специального следственного действия.

Однако, это всегда следствие решения лица, осуществляющего производство по делу, даже в том случае, когда экспертиза назначается по ходатайству стороны защиты. Отсутствие реальной состязательности в данном вопросе стало побуждать стороны, лишённые властных полномочий чаще обращаться к помощи сведущих лиц и пы-

таться приобщать результаты их консультаций в материалы уголовных дел в качестве иных документов. Однако, практика продемонстрировала недостаточность подобного подхода и сформировала потребность расширения возможностей сторон в данной области. Попыткой разрешения сложившейся ситуации стала нормативная регламентация таких видов доказательств как заключение специалиста и показания специалиста, которая, однако, не породила «единство мнений относительно процессуальной природы и назначения заключения специалиста» [6, с. 29 – 30].

В то же время, если отталкиваться от сравнительно-правового анализа, с целью наиболее глубокого понимания данного нововведения, как предлагает Леонид Витальевич Головкин, становится очевидно, что стороны, лишённые властных полномочий, например, защита или потерпевший, и ранее, как указывалось выше, пытавшиеся приобщить по своей инициативе консультативные заключения лиц, обладающих специальными знаниями (прибегнуть к так называемой «альтернативной экспертизе»), сегодня имеют законодательно закреплённую возможность её использования.

Децентрализованная природа экспертизы англосаксонского типа позволяет реализовывать принцип состязательности и равноправия сторон наиболее эффективно. Имплементация в российский уголовный процесс «альтернативной экспертизы» такого типа, позволила сторонам, особенно лишённым властных полномочий, самостоятельно привлекать для участия в деле лиц, обладающих специальными знаниями.

Поэтому, сегодня можно говорить о стремлении науки и практики российского уголовного процесса к состязательному принципу, который положен в основу судопроизводства стран англосаксонской системы, при сохранении специфики континентальной правовой системы. На наш взгляд, появление в российском уголовном процессе экспертизы англосаксонского типа, посредством участия специалиста, как самостоятельного участника процесса, «выводит» состязательность процесса на новый, более высокий уровень, поскольку, «Процессуалисты Англии и США считают, что, предоставляя обеим сторонам право на проведение экспертизы с участием собственного эксперта, они реализуют принцип состязательности сторон» [3, с. 58]. Несмотря на то, что «одной из отличительных черт англосаксонской правовой системы является отсутствие среди участников уголовного судопроизводства специалиста, то есть законодатель даже косвенно не упоминает о данном участнике» [3, с. 59], аналогия об «альтернативной экспертизе англосаксонского типа», проведённая Л.Я. Головкин обоснована и оправдана. Обозначение «эксперта со стороны защиты» специалистом, а формируемое им заключение, заключением специалиста, имеет скорее формальное, нежели материальное различие. Следовательно, и специалист, и эксперт – это лица, обладающие специальными знаниями, специалисты в широком смысле. Вышеуказанная позиция тем более обоснова-

на, что фактическая роль (реализация конкретных функциональных обязанностей в процессе) как для эксперта, так и для специалиста, выражается в оказании помощи сторонам. Оказание помощи сторонам в англосаксонском процессе осуществляется в форме участия свидетеля-эксперта в уголовном судопроизводстве и оформлением, проведённой им работы, заключением свидетеля-эксперта, что соотносится с характерным для современного российского уголовного процесса участием специалиста, подготовкой и/или представлением им заключения.

Реализация в российском уголовном процессе идеи «состязательной экспертизы», аналогичной экспертизе англосаксонского типа, подтверждается и тем, что в странах англосаксонского права эксперт свое заключение «основывает на различных источниках, к которым относится, во-первых, личные знания эксперта; во-вторых, различные факты, которые подтверждаются конкретными материалами из уголовного дела; в-третьих, информация, полученная экспертом в ходе уголовного судопроизводства, не зафиксированная в протоколах следственных действий» [3, с. 59], так и специалист в российском процессе может ограничиться дачей своего суждения по поставленным перед ним вопросам, без проведения исследования.

Несмотря на подобный, достаточно прогрессивный подход, планомерно закрепляемый на практике, до настоящего времени сохраняется конкуренция статусов эксперта и специалиста, как участников уголовного процесса. Конкуренция является результатом не утихающих в научных кругах дискуссий касательно места данного доказательства в системе отдельных видов доказательств и его соотношением с традиционным заключением эксперта, а также приоритетом, отдаваемым на практике заключению эксперта перед заключением специалиста участниками уголовного процесса. То есть, состязательность специальных знаний, регламентированная сегодня, на практике реализуется весьма затруднительно.

Нельзя признать подобный подход обоснованным, поскольку, реализация права защитника на собирание доказательств по делу, посредством привлечения специалиста для дачи заключения по делу, позволяет не только представить «свое» доказательство стороне защиты, но и решить иные вопросы, так, например, «в большинстве случаев в настоящее время (по данным статистики) именно защитниками выявляются ошибки следствия» [1, с. 58].

В то же время, нельзя игнорировать то обстоятельство, что, к заключениям специалиста, представленным в материалы уголовного дела, зачастую относятся скептически вполне обоснованно. Порой, в материалы дела представляются заключения специалистов, не выдерживающие совершенно никакой критики. Заключения не имеют ссылок на научные методики и научную литературу, которыми специалист руководствовался при подготовке заключения, содержат произвольные и научно не обоснованные подходы к решению по-

ставленных перед специалистом вопросов, имеют очевидно «заказной» характер. Так, например, в материалы уголовного дела по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 143 УК РФ, защитником было представлено заключение специалиста, опровергающее, содержащееся в материалах уголовного дела заключение судебного эксперта о степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Специалист в своем заключении, опираясь исключительно на фотокопию заключения судебного эксперта (без необходимого изучения материалов уголовного дела (копий материалов уголовного дела) [4, с. 49], несмотря на то, что защитник имел возможность представить такие материалы), не ссылаясь на какие-либо научные методики, произвольно, по своему усмотрению [как указано в тексте заключения специалиста: «для совокупной оценки степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, выявленной у него тупой сочетанной травмой, целесообразно рассмотреть степень тяжести каждой из групп повреждений, составляющих её»] разделил полученные потерпевшим, в результате несчастного случая, травмы и оценил их каждую изолированно, а не в совокупности, не учитывая одномоментный характер образования травм. В результате, специалист пришел к выводу о причинении здоровью потерпевшего вреда средней тяжести, что при наличии исходов травмы для потерпевшего в форме стойкой утраты трудоспособности (более 30% и длительности нетрудоспособности (более 400 (четырёхсот) дней), которые специалист не учитывал, представляется в высшей степени противоречивым и необоснованным. То есть, предоставленная уголовно-процессуальным законодательством возможность защитнику (подозреваемому, обвиняемому) не всегда реализуется добросовестно.

Подобные практические результаты, объясняются множеством факторов, одним из которых и весьма существенным, является отсутствие нормативной регламентации формы заключения специалиста, то есть «процессуальная форма получения данного доказательства не определена, что следует считать недостатком правового регулирования» [7, с. 173 – 174]. Впрочем, решение данного вопроса не представляется сложным и лежит на поверхности: за основу должна быть взята форма, предусмотренная для заключения эксперта, что напрямую соотносится с идеей «состязательной» экспертизы, позволяя состязаться равнозначным доказательствам.

В открытом состязательном судебном разбирательстве процесс доказывания реализуется как объективная деятельность по наиболее полному установлению всех обстоятельств дела, расширение возможностей стороны защиты по участию в доказывании, посредством использования специальных знаний, позволяет более полно использовать новейшие достижения науки и техники в доказывании. Однако, несмотря на то, что значимость заключения специалиста для реализации состязательности в российском уголовном процес-

се очевидна, данный вид доказательств требует существенной нормативной и практической доработки, для того, чтобы иметь возможность составить полноценную конкуренцию заключению эксперта. И, несмотря на то, что «заключение специалиста до сих пор остается определенной загадкой для отечественной теории доказательств» [5, с. 300], она вполне возможно может быть разрешена, посредством определения её места в состязательной экспертизе.

Литература

1. Власова С.В. Состязательная модель формирования доказательственного факта на основе доказательств сторон (заключения судебной экспертизы и заключения специалиста) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – С. 56 – 58.

2. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.

3. Латыпов В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 198 с.

4. Селина Е. Состязательность в применении специальных познаний по уголовным делам // Российская юстиция. 2003. – № 3.

5. Сотников К.И. Конфликт позиции судебного эксперта и специалиста со стороны защиты как выражение принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее. – Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург. – 2017. – С. 298 – 305.

6. Тетюев С.В. Заключение специалиста: проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании // Следователь. – 2010. – № 6. – С. 29–32.

7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2006. – 664 с.

"Competitive examination" in the russian criminal process Vatutina O.V.

St. Petersburg State University,

In this article, the author examines the problem of the adversarial nature of special knowledge in the Russian criminal process.

The assessment of the types of expertise identified in the theory of criminal procedure is given. The author evaluates the type of expertise typical for the Russian criminal process, as well as the legislator's attempt to find a compromise between the continental expertise, traditional for the Russian criminal process, and the Anglo-Saxon models of expertise. The author formulates a thesis on the implementation by the legislator of the adversarial examination of the Anglo-Saxon type in the criminal process of the Russian Federation, by introducing into the process such type of evidence as the conclusion and testimony of a specialist.

Keywords: specialist, expert, special knowledge, defender, competition.

References

1. Vlasova S.V. The adversarial model of the formation of evidence based on the evidence of the parties (the conclusion of the forensic examination and the conclusion of a specialist) // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod

- Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2013 .-- S. 56 - 58.
2. Course of criminal procedure / ed. Doctor of Law, prof. L.V. Golovko. - 2nd ed., Rev. - M.: Statut, 2017 .-- 1280 p.
  3. Latypov V.S. Other participants in criminal proceedings: problems of theory, regulation and practice: monograph. - Moscow: Jurlitinform, 2014 .-- 198 p.
  4. Selina E. Competitiveness in the application of special knowledge in criminal cases // Russian justice. 2003. - No. 3.
  5. Sotnikov K.I. Conflict of the position of a forensic expert and a specialist on the part of the defense as an expression of the adversarial principle in criminal proceedings // Criminalistics and forensic examination: past, present and look into the future. - Materials of the annual international scientific and practical conference. - St. Petersburg. - 2017 .-- S. 298 - 305.
  6. Tetyuev S.V. Specialist's conclusion: problems of use in criminal procedural proving // Investigator. - 2010. - No. 6. - P. 29–32. Criminal Procedure Law of the Russian Federation. 2nd ed., Rev. and add. / otv. ed. I.L. Petrukhin. - M.: Prospect, 2006 .-- 664 p.

Проблемы оценки доказательств при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса

Лукьянов С.С.

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

В статье рассматривается проблема оценки судом доказательств при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. Автор приходит к выводу о том, что при рассмотрении жалоб участников процесса в порядке статьи 125 УПК РФ суд вправе давать оценку представленным сторонами доказательствам. Данная оценка носит предварительный характер, соответствующий определенному уровню (степени) доказывания. При рассмотрении дела по существу суд вправе по-иному оценить представленное доказательство.

Ключевые слова: судебный контроль, оценка доказательств.

Одна из актуальных уголовно-процессуальных дискуссий касается оценки судом содержащихся в материалах доследственной проверки и предварительного расследования доказательств при осуществлении судебного контроля, в частности, при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ.

Пункт 1 Постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2009 N 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" содержит следующее положение: «При проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. В частности, судья не вправе делать выводы ... об оценке доказательств...».

Данное положение фактически раскрывает общий, действующий в современном российском праве принцип, согласно которому суд при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса не вправе разрешать вопросы, которые относятся к исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по существу.

Тем самым, на наш взгляд, дается излишне ограничительное толкование термину «исключительная компетенция суда, рассматривающего дело по существу», к которому должно относиться лишь разрешение вопроса о виновности конкретного лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ).

Вопрос допустимости оценки судом доказательств при осуществлении судебного контроля является лишь частным проявлением разграничения компетенции суда при осуществлении судебного контроля и при рассмотрении дела по существу.

В научной литературе высказываются разные точки зрения относительно возможности для суда давать оценку тем или иным доказательствам при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ.

Мы разделяем точку зрения, допускающую такую оценку.

Так, А.П. Рыжаков отмечал, что без оценки доказательств на этапе судебного контроля за законностью предварительного расследования «невозможно принятие никакого решения, в том числе и вынесение постановления по итогам рассмотрения жалобы на действия (решения, бездействие) следователя (дознателя и др.)»[5, с. 144].

Аналогичную позицию разделяет и Н.П. Кириллова, которая, рассматривая проблему обжалования в суд постановления о прекращении уголовного дела, указывает: «Суд, рассматривая законность и обоснованность постановления о прекращении уголовного дела, поставлен содержанием п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. N 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" в сложное положение. Оценить обоснованность такого постановления следователя (дознателя) зачастую очень сложно без оценки содержащихся в материалах дела доказательств» [1, с. 38].

Приведем несколько примеров в подтверждение рассматриваемого тезиса.

Возбуждено уголовное дело в отношении конкретного лица. По мнению должностного лица, возбудившего данное дело, оно относится к делам публичного обвинения. Защитник же полагает, что преступление, в совершении которого подозревается его подзащитный совершено при осуществлении последним предпринимательской деятельности, в связи с чем уголовное преследование должно осуществляться в частно-публичном порядке. Заявление потерпевшего в материалах доследственной проверки, например, отсутствует.

Рассмотрение судом жалобы на постановление о возбуждении такого уголовного дела невозможно без оценки имеющихся в деле материалов на предмет наличия в них сведений о характере деятельности подозреваемого, при осуществлении которой и совершено предполагаемое преступление. От ответа на данный вопрос, в конечном счете, зависит законность возбуждения уголовного дела в отсутствие заявления потерпевшего.

Оценка же указанных материалов тем более возможна, что она не сопряжена для суда с необходимостью делать выводы о существовании уголовно-правового спора (вопросы виновности подозреваемого, наличия в его действиях признаков состава преступления и т.д.), что, как отмечает Головкин Л.В., не допустимо при рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела [4, с. 614].

Представим также, что суд рассматривает жалобу на постановление о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием у обвиняемого признака специального субъекта. Между тем данный признак является обязательным для соответствующего состава преступления (например, ст.201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями»). Потерпевший обжалует данное постановление, полагая, что

признаками специального субъекта обвиняемый все же обладает.

Без проверки и оценки имеющихся в деле доказательств суд в этом случае лишен возможности разрешить правовой спор о материально-правовом статусе обвиняемого и, как следствие, в принципе вынести какое бы то ни было решение.

Аналогичная ситуация возникает, когда в суд поступила жалоба юридического лица, в помещении которого был проведен обыск и были изъяты электронные носители информации, содержащие сведения, необходимые для осуществления предпринимательской деятельности.

Представитель юридического лица оспаривает законность указанных действий следователя, полагая, что предусмотренные ч.1 ст.164.1 УПК РФ основания для изъятия самих электронных носителей отсутствовали, а следователь мог сделать лишь копии с данных носителей. В жалобе указано, что без соответствующих носителей юридическое лицо лишается возможности продолжать предпринимательскую деятельность.

Суд, рассматривая такую жалобу, неизбежно стоит перед необходимостью оценить представленные ему доказательства на предмет отражения в них оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ.

По нашему мнению, отсутствие у суда полномочий по оценке доказательств и материалов дела может привести к невозможности вынесения судом законного и обоснованного решения при осуществлении судебного контроля.

В этой связи рассматриваемому положению пункта 1 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ следует придать такое толкование, которое бы отвечало правовой природе института судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса и согласовывалось бы с конституционно-правовыми пределами исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по существу. При этом следует исходить из понятия уровней доказывания, которые различаются в зависимости от стадий уголовного процесса.

Так, оценивая доказательство при осуществлении контроля в порядке ст.125 УПК РФ суд формирует лишь предварительный вывод об исследуемом доказательстве. Иными словами, степень доказанности обстоятельств, сведения о которых отражает то или иное доказательство, ниже степени доказанности этих же обстоятельств, достигаемой при рассмотрении дела по существу.

Обоснованность рассматриваемого подхода видится также в том, что цели оценки доказательств, производимой судом в порядке судебного контроля и при рассмотрении дела по существу, различны.

Так, рассматривая соответствующую жалобу, суд дает оценку тем или иным доказательствам в целях проверки законности и обоснованности действий и решений субъектов уголовного преследования (ч.1 ст.125 УПК РФ). Рассматривая же дело по существу, суд оценивает доказательства в це-

лях установления виновности или невиновности конкретного лица в совершении преступления (ст. 299 УПК РФ).

Наличие научной дискуссии по поводу выделения различных уровней доказанности отражается и в трудах ученых-правоведов, в частности, в трудах Н.А. Колоколова [2, с. 80].

Таким образом, рассматриваемое указание Верховного Суда РФ следует понимать скорее в качестве нормы-рекомендации и очередного «напоминания» о том, что степень доказанности обстоятельств уголовного дела в динамике сменяемости стадий уголовного процесса различная. Оценивая доказательства, суд не вправе делать лишь «окончательные» выводы об их свойствах.

Необходимо отметить, что при оценке доказательств в порядке судебного контроля суд, с одной стороны, не вторгается в исключительную компетенцию суда, рассматривающего дело по существу, с другой стороны, суд не нарушает и принцип самостоятельности следователя, то есть не вторгается в компетенцию следственной власти.

Так, по мнению С.И. Коневой, при осуществлении оперативного судебного контроля «суд не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а создает условия для осуществления сторонами своих процессуальных прав и возложенных на них обязанностей» [3, с. 20]. Этим целям служит институт обжалования в суд действий и решений следователя, дознавателя и прокурора.

Подводя итог вышесказанному, мы должны признать, что полномочия по оценке доказательств являются неотъемлемой частью компетенции суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

При этом суд не вторгается ни в компетенцию органов предварительного расследования, ни в компетенцию суда, рассматривающего дело по существу. Оценка доказательств в данном случае носит предварительный характер и служит целям конкретной уголовно-процессуальной процедуры.

Литература

1. Кириллова Н.П. Определение компетенции суда при осуществлении судебного контроля на стадии предварительного расследования // *Законы России. Опыт. Анализ. Практика.* 2016. № 4. С.35–40.

2. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М.: Юрист. 2008. – 415 с.

3. Конева С.И. К вопросу об участии судьи в доказывании при осуществлении судебного контроля на предварительном расследовании. // *Российский судья.* 2014. № 4. С. 20–26.

4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В.Головки. М.: Статут, 2017. 1279 с.

5. Рыжаков А.П. Обжалование в суд решений (действий, бездействия) следователя (дознавателя): комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». М.: Дело и Сервис, 2010. 208 с.

Problems of evidence evaluation in the exercise of judicial control at the preliminary investigation stage **Lukianov S.S.**

St. Petersburg State University

The article deals with the problem of the court's assessment of evidence when exercising judicial control at the pre-trial stages of the criminal process. The author comes to the conclusion that when considering complaints of participants in the process in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure, the court has the right to assess the evidence presented by the parties. This assessment is preliminary in nature, corresponding to a certain level (degree) of proof. When considering a case on the merits, the court has the right to evaluate presented evidence in a different way.

Keywords: judicial control, assessment of evidence.

References

1. Kirillova N.P. Determination of the competence of the court in the exercise of judicial control at the stage of preliminary investigation // *Laws of Russia. An experience. Analysis. Practice.* 2016. No. 4. P.35–40.
2. Kolokolov N.A. Operational judicial control in criminal proceedings. М.: Lawyer. 2008. – 415 p.
3. Koneva S.I. On the question of the participation of a judge in proving in the exercise of judicial control in the preliminary investigation. // *Russian judge.* 2014. No. 4. P. 20–26.
4. Course of criminal procedure / ed. L.V. Golovko. Moscow: Statut, 2017.1279 p.
5. Ryzhakov A.P. Appeal to the court of decisions (actions, inaction) of the investigator (interrogator): commentary on the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 10, 2009 No. 1 "On the practice of considering complaints by courts in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." Moscow: Delo and Service, 2010.208 p.

Законность и обоснованность уголовного преследования в сфере оборота промышленной продукции

Гуканов А.В.

управляющий партнер адвокатского бюро «Промбизнес-консалтинг» Санкт-Петербургской палаты адвокатов

В статье рассматриваются проблемы необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении руководителей хозяйствующих субъектов вследствие существующих в действующем законодательстве правовых барьеров препятствующих диверсификации оборонно-промышленного комплекса и вовлечения бизнеса в процессы создания передовых технологий. В качестве одной из основных причин рассматривается отсутствие в действующем законодательстве четкого правового разграничения понятий военной техники и продукции гражданского назначения, что влечет произвольное определение следственными органами объекта преступления и как следствие – предмета посягательства.

Ключевые слова: предмет посягательства, продукция военного назначения, разграничение понятий военной техники и продукции гражданского назначения.

В научной юридической литературе не заслужено мало уделяется внимания роли правовой неопределенности нормативно-правовых актов, лежащих в основе бланкетных норм уголовного закона, и как следствие этого, их негативному влиянию на процесс принятия процессуальных решений о возбуждении уголовных дел без достаточных к тому оснований и необъективного их расследования.

Законодательство, регламентирующее производственный процесс и порядок реализации продукции предприятий военно-промышленного комплекса имеет серьезные правовые дефекты, а именно, отдельные правовые нормы не имеют четкого и ясного изложения, достаточно полного определения содержащихся в них понятий и категорий, что порождает в правоприменительной практике, во – первых, необоснованное уголовное преследование руководителей промышленных предприятий, а во – вторых, отрицательно влияет на объем товарооборота отечественной продукции. Как следствие, оба этих фактора самым серьезным образом деструктивно отражаются на развитии экономики страны в целом.

Контурно обозначая озвученную проблему, коснемся, прежде всего, законотворческой проблемы несовершенного, системно непродуманного формулирования отдельных правовых норм отраслевого законодательства, позволяющих на практике принимать логически необоснованные процессуальные решения о возбуждении уголовных дел по таким преступлениям экономической направленности как: контрабанда вооружения и военной техники (ст. 226.1 УК РФ), незаконный экспорт продукции двойного назначения (ст. 189 УК РФ) и осуществление работ в отношении вооружения и военной техники без лицензии (ст. 171 УК РФ). В составах преступлений указывается, в чем конкретно должно проявляться общественно опасное воздействие на объект. В контексте рассматриваемой темы как раз и возникает проблема с определением объекта преступления и непосредственного предмета криминального посягательства.

Согласно существующему определению понятия «военная техника» к ней относятся технические средства, которые имеют своим предназначением боевое, техническое и тыловое обеспечение деятельности войск.

Соответственно, буквальное значение словосочетания «обеспечение деятельности войск (сил)» позволяет без достаточных к тому оснований отнести к военной технике практически любые предметы гражданского назначения, используемые в вооружённых силах.

Составы вышеуказанных преступлений, имеют схожие признаки материального объекта. Относительно деятельности руководителей предприятий, производящих изделия широкого ассортимента, как военного назначения, так и гражданского потребления, использование последних без дополнительного разрешения государственных органов в гражданском обороте рассматривается как преступная деятельность. Происходит это исключительно из-за указания в определении понятия «военная техника» предметов, предназначенных для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности войск. Однако указанное формулирование данного понятия обширно и многоаспектно, оно включает помимо средств, предназначенных непосредственно для поражения живой силы, объектов противника, также и предметы, обеспечивающие соответствующие бытовые условия для военнослужащих, предметы строительства и обслуживания транспортных коммуникаций, техника для перевозки грузов, медицинское оборудование и т.д. 1]

Однако в силу, как уже было указано выше, несовершенства определения правовых норм, сложилась порочная правоприменительная практика, приводящая к его произвольному толкованию и применению, исключающему возможность фактического выделения из общего массива производимой продукции той её части, которая имеет также гражданские потребительные свойства. Речь идет об отграничении гражданской продукции, производимой предприятиями, от предметов, обладающих самостоятельным статусом вооружения и военной техники.

Отсутствие разъяснений по указанному понятию не позволяет выделить из всего многообразия промышленной продукции, используемой в интересах вооружённых сил, предметы, которые по своему предметному назначению не могут относиться к военной технике.

Отсутствие в настоящее время ясных правил, устанавливающих критерии разграничения предметов, относящихся к категории военной техники и не являющихся таковыми, позволяет следственным органам произвольно относить к продукции военного назначения практически любые товары гражданского назначения, выпускаемые предприятиями наряду с продукцией военного назначения.

А это значит, что любой технический предмет медицины, строительства, сельского хозяйства при его использовании в вооружённых силах приобретает статус военной техники, соответственно в последующем любая деятельность с такими предметами возможна исключительно после получения разрешения лицензирующего органа.

Такая правовая неопределённость создает искусственное ограничение оборота отечественных

товаров, как на внутренних, так и на международных рынках, а также является причиной необоснованного привлечения к уголовной ответственности руководителей промышленных предприятий, поскольку лишает их при проведении работ с такими предметами возможности заблаговременно знать и осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Очевидно, что отсутствие ясных правил в данной области правоотношений не позволяет бизнесу чувствовать себя защищенным со стороны государства, страх быть необоснованно привлеченным к уголовной ответственности за разработку продукции, которая может быть произвольно признана военной техникой, угнетает любые амбициозные планы предпринимателей быть участниками процессов, которые позволили бы динамично развиваться экономике государства.

Наглядным примером произвольного отнесения гражданской продукции к военной технике является приговор Североморского районного суда Мурманской области, которым гражданин Б., признан виновным по ч.1 ст.171 УК РФ (незаконное предпринимательство).

Согласно решению суда, промышленное предприятие, которым руководил осужденный, осуществило ремонт элементов валопровода большого десантного корабля Военно-Морского Флота России без необходимой лицензии [2].

Особенность этого уголовного дела заключалась в том, что предприятие, возглавляемое Б., одновременно ремонтировало более 20 военных кораблей, соответственно перечень ремонтируемого оборудования исчислялся несколькими сотнями предметов. Перед началом работ государственный заказчик, проверив наличие лицензий выдал свое заключение о допуске предприятия к работам.

Однако спустя несколько лет после успешного ремонта корабля, правоохранительные органы инициировали уголовное преследование Б., поскольку государственный заказчик изменил свое решение, посчитав, что работы по ремонту элементов валопровода корабля должны были проводиться при наличии дополнительной лицензии, которой в наличии не было.

При вынесении обвинительного приговора на суд не повлиял должным образом довод защиты о том, что ремонтируемый валопровод предмет гражданского назначения, поскольку корабль, на котором проводились работы изначально был спроектирован как гражданское рыболовецкое судно, использовалось в народном хозяйстве, после чего его передали Минобороны России и доукомплектовали вооружением, однако элементы валопровода своего гражданского назначения не поменяли. Такие же элементы установлены на аналогичных рыболовецких судах данного проекта.

Примечательным по этому делу также было и то обстоятельство, что у правоприменительных органов, к компетенции которых отнесено разгра-

ничество гражданской продукции от военной техники, отсутствует единый подход к отнесению предметов к статусу военной техники и многие должностные лица государственных органов отнесли указанный предмет корабля к гражданской продукции.

Возникает вопрос, каким образом руководитель предприятия может заблаговременно знать и осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия, если компетентные органы, отвечающие за определение статуса предмета, не имеют единого мнения.

В 2015 году, с целью содействия в скорейшем установлении ясных правил правовых отношений в данной области рынка, нами было инициировано через Администрацию Президента России предложение по изменению законодательства в области разграничения продукции общепромышленного назначения, военной техники и продукции двойного назначения, которое было поддержано, однако работа по внесению необходимых изменений была приостановлена.

И только в апреле 2020 года Правительством России в Положение о лицензировании работ с вооружением и военной техникой были внесены изменения, уточняющие понятие «военная техника», у правоприменителей появилась возможность наиболее полно понимать криминалистическую структуру события преступления по статьям 171 и 226.1 УК РФ, а значит более объективного осуществлять расследования по данной категории дел.

В тоже время, несмотря положительный результат по изменению законодательства, претензии к определению понятия военная техника всё-таки остаются, поскольку отдельные его положения, все же позволяют необоснованное отнесение к военной технике гражданской продукции.

Соответственно, во избежание необоснованного привлечения предпринимателей к уголовной ответственности и создания безопасной среды для вовлечения бизнеса в процессы развития отечественной промышленности необходимо продолжить работу по совершенствованию законодательства в этом направлении.

Литература

1. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/141989/%D0%A2%D1%8B%D0%BB/> (Дата обращения 07.12.2021).
2. Архив Североморского районного суда Мурманской области, УД № 1–1/2017.

Legality and validity of criminal prosecution in the sphere of turnover of industrial products

Gukanov A.V.

St. Petersburg Chamber of Lawyers

The article deals with the problems of unjustified initiation of criminal cases against the heads of economic entities due to the existing legal barriers in the current legislation that prevent the diversification of the military-industrial complex and the involvement of business in the processes of creating advanced technologies. One of the main reasons is the absence in the current legislation of a clear legal distinction between the concepts of military equipment and civilian products, which leads to an arbitrary definition by the investigative authorities of the object of the crime and, as a result, the subject of encroachment.

Keywords: object of encroachment, military products, differentiation of the concepts of military equipment and civilian products.

References

1. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/141989/%D0%A2%D1%8B%D0%BB/> (Date of treatment December 7, 2021).
2. Archive of the Severomorsk District Court of the Murmansk Region, UD No. 1–1 / 2017.

Уголовная ответственность за отрицательные непрогнозируемые результаты при оказании медицинской помощи (ятрогения)

Джинджолия Р.С.

доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминального права юридического факультета Российского нового университета

Статья посвящена проблеме противодействия ятрогении уголовно-правовыми средствами. Особое внимание уделяется оценочным понятиям, которые используются при квалификации ятрогенных преступлений. Подчеркивается их многообразие и взаимосвязь. Обосновывается необходимость формализации в уголовном законодательстве оценочных признаков специфических общественно-опасных деяний.

Ключевые слова: здоровье, ятрогения, врач, пациент, здравоохранение, госпитальная смертность, преступления в сфере здравоохранения.

Современное состояние медицины и всего здравоохранения в России и в мире характеризуется широким внедрением в лечебных целях новых высокоэффективных лекарственных препаратов и новейших методик диагностирования и лечения болезней человека. Это, конечно, позитивно, однако, процесс оказания медицинских услуг не безопасен. Связано это, прежде всего, с теми достижениями в познании человеческого организма, которые обуславливают успешное лечение, но при этом сохраняется большая вероятность причинения вреда здоровью человека.

Прежде всего, надо иметь в виду заболевания и осложнения состояния организма человека, обусловленные качеством оказания медицинской помощи. Такие заболевания и осложнения эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) называют ятрогениями.

Ятрогения в переводе с греческого языка означает «врачом рожденный» [1], т.е. болезни и состояния, вызванные врачом, его словом, действием или бездействием. Гиппократ определил нравственные качества врача, затем появилась наука – деонтология с ее дальнейшей дифференциацией в разделы – деонтология в хирургии, онкологии, терапии, педиатрии и т.д. Происхождение ятрогении тесно связано с развитием самой медицины и, наоборот, без тщательного анализа последствий ятрогении невозможно развитие медицинской науки и практики. Ятрогения приносит обществу огромные экономические потери, а пациенту – страдания [2].

Ятрогении могут причинить смерть человеку, сделать его инвалидом, снизить качество его жизни. Это, с позиции права, называется нарушением конституционных прав граждан на жизнь, охрану здоровья и получение квалифицированной медицинской помощи.

Ятрогения представляет собой неосторожный и зачастую неизбежный вред пациенту, но это не вина медицины и в целом здравоохранения, а их беда. Все современное общество должно быть заинтересовано в создании безопасной медицины, тогда можно надеяться на создание высокого потенциала здоровой нации. Здоровая нация и здоровая социальная система являются гарантией обеспеченной и счастливой жизни людей. Ятрогении, по мнению специалистов, имеют тенденцию к дальнейшему увеличению, влекущие за собой

нарушение функций организма, потерю трудоспособности, смерть человека и т.п. [3].

Существуют ятрогении во всем мире. Так, например, по данным исследователей из 250 000 случаев летальных исходов от врачебных ошибок причиной ятрогении в 106 000 наблюдениях является побочное действие лекарств, в 12 000 – необоснованное хирургическое вмешательство, пребывание в медицинских учреждениях [4].

По данным мировой литературы, не менее 5-10% летальных исходов, обусловлены ятрогенными причинами [5].

Специалисты также отмечают, что, например, в США по вине врачей ежегодно погибает 98 000 тысяч человек [6]. Выступая еще в 2000 году с посланием народу, американский президент заявил о ятрогениях как о новой угрозе национальной безопасности Америки, так как они занимают пятое место среди причин смертности в стране.

Во всем мире по данным ВОЗ ятрогении встречаются у 20% больных и составляют 10% в структуре госпитальной смертности [7].

Не лучшая ситуация имеется в России. Однако статистика ятрогенных случаев пока еще в Российской Федерации не ведется на современном уровне, отсутствуют соответствующие нормативные документы по учету ятрогений. Это, в свою очередь, приводит к латентности ятрогении, что в конечном итоге не позволяет достоверно учитывать и анализировать их последствия.

Надо сказать, что российские врачи допускают ятрогении также часто. Например, число ятрогенных осложнений только в одном из регионов России, по свидетельству исследователей, составляет примерно от 25 до 45% [8].

Все это подтверждает правомерность и обоснованность рекомендации ВОЗ «считать ятрогению, приведшую к смерти, основным заболеванием (причиной смерти) независимо от того, правильно или неправильно, по показаниям или без таковых, по ошибочному или истинному диагнозу проводилось данное лечение».

По утверждению ученых медиков патологоанатомы обязаны фиксировать ятрогении как основное или сопутствующее заболевание. При этом замалчивание или сокрытие ятрогений, как правило, снижает ответственность врачей.

С учетом сказанного можно констатировать, что современный этап организации здравоохранения характеризуется увеличением патологии лечения и диагностики. Ятрогении влекут за собой жизненно опасные последствия для больных. Это, в свою очередь, не может не тревожить общество, которое вправе требует усиления борьбы с этим злом, в том числе, и уголовно-правовыми мерами.

Уголовное право, однако, должно охранять, в том числе и интересы врачей, в случаях необоснованных притязаний к ним со стороны пациентов и их законных представителей. Однако при этом приходится констатировать, что действующий Уголовный Кодекс РФ (УК РФ) не отражает специфики ятрогенных преступлений, не содержит специального раздела или главы о них. Признаки составов

ятрогенных преступлений могут закрепляться в разных статьях Особенной части УК РФ.

Так, ятрогении могут быть квалифицированы и как убийство по ст. 105 УК РФ. Однако чаще последствия ятрогенного характера квалифицируются как причинение смерти по неосторожности (ст. 109) или причинение умышленного или по неосторожности вреда здоровью (ст. ст. 111, 112, 115, 118). Не редки и такие преступления, как незаконное производство аборта (ст. 123), неоказание помощи больному (ст. 124), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128) и т.п.

К ятрогениям можно причислить незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ) и незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ). Ятрогенные преступления имеют один общий объект преступного посягательства, а именно, отношения, складывающиеся в сфере организации здравоохранения. Однако признаки объективной стороны ятрогенных преступлений изобилуют оценочными понятиями, которые существенно затрудняют их уголовно-правовую оценку и правильную квалификацию деяния.

Оценочные понятия, используемые при квалификации указанных преступлений, многообразны и взаимосвязаны. Они с разных позиций показывают особенности физического или психического воздействия на человека. В связи с этим в правоохранительной практике не однозначно трактуются такие понятия, как «телесное повреждение», «вред здоровью человека» и т.п.

Понятие вреда здоровью дано в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. N 522, а также в Критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [9]. Оценить степень, характер и последствия вреда, причиненного здоровью, можно лишь базируясь на определении такого сугубо оценочного понятия, как здоровье. Однако нормативной дефиниции здоровья нет в УК РФ, а имеющееся в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10] и других нормативных документах определение, характеризуется сугубо научным для его практического использования.

Согласно формулировке Всемирной организации здравоохранения здоровье это состояние полного социально-биологического и психического благополучия человека, когда функции всех его органов уравновешены с природой и социальной средой, отсутствуют какие-либо негативные состояния.

Если исходить из данного определения, в понятие «вред здоровью» включаются не только сами телесные повреждения, но и любые действия физического и психического свойства, а также все

негативные воздействия факторов природной и социальной среды, включая изменения погоды, несвоевременную выплату заработной платы и т.п.

Российский законодатель с принятием действующего УК РФ отказался от использования понятия «телесные повреждения» и ввел термин «вред здоровью», выделяя по размеру причиненного вреда три его разновидности: тяжкий, средний и легкий вред здоровью (ст. 111, 112, 115 УК РФ).

Однако при этом законодатель не конкретизировал такие понятия, как тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, иной вред здоровью, опасный для жизни, расстройство здоровья, длительное расстройство здоровья, кратковременное расстройство здоровья, легкий вред здоровью, которые имеют не формально-определенный, а оценочный характер.

Все три разновидности вреда здоровью относятся к разряду опасного для жизни или здоровья, которые в статьях УК РФ рассматриваются либо как конструктивный, либо как квалифицирующий признаки.

Необходимо отметить, что преступления, непосредственно посягающие на жизнь и здоровье человека, следует отличать от подобных посягательств, носящих опосредованный характер, то есть совершаемых путем предоставления средств, угрожающих жизни и разрушающих здоровье человека.

К их числу относятся выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, незаконный оборот наркотиков, сильнодействующих и ядовитых веществ, неквалифицированное (без лицензии) лечение, нарушение санитарно-эпидемиологических правил и т. п.

При квалификации ятрогенных преступлений возникает проблема толкования и таких оценочных понятий, как правовой статус пациента, правовой статус врача, медицинская помощь, предоставление медицинской помощи, оказание медицинской помощи, диагностирование, лечение, преемственность, медицинское мероприятие и его стадии, манипулирование, вмешательство, контроль и оценка медицинской помощи и т.п.

Следовательно, возрастает и количество оценочных понятий и признаков, требующих, как правило, четкого определения, формализации либо просто уяснения для правильной квалификации посягательств на жизнь и здоровье людей, в том числе, и по причине ятрогении.

Литература

1. Долецкий С.Я. Ятрогении. М., 2009. С. 15.
2. Лурья Р.А. Внутренняя картина болезней и ятрогенные заболевания. М., 1977. С. 77.
3. Медицинская газета. 2006. № 32. 03.05. 2006. С. 67.
4. Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. N 522 //Собрание

законодательства Российской Федерации, 2007, N 35, ст. 4308 (по состоянию на 01.12.2014 г.).

5. Пристансков В.Д. //Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию. СПб, 2013. С. 4-10.

6. Стерлигов М.П., Васильев К.Б. //Словарь иностранных слов. М., 2014. С. 435.

7. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (по состоянию на 01.12.2014 г.).

8. Каннабих Ю. В. Врач как причина болезни //БМЭ, Т. 5. 1928. С. 677.

9. Лысенко В. М., Лысенко О. В., Зарецкий М. М., Черников Е. Э. К вопросу о ятрогенных заболеваниях //Научный вестник Национального медицинского университета им. Богомольца, 2009. С. 164.

10. Авдеев А. И., Козлов С. В. Ятрогенная патология (судебно-медицинский взгляд) //Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Новосибирск, 2009. С. 29.

Criminal responsibility for the negative results of the unpredictable in health care Dzhindzholiya R.S.

doctor of juridical sciences, head of the Department of criminal law, Faculty of law, the Russian new University, a member of the Union of criminalists and criminologists.

The article deals with the problem of countering iatrogenic criminal law means. Special attention is paid to evaluation concepts that are used in the classification of iatrogenic crimes. Highlights of their diversity and interconnectedness. The necessity of perfecting the criminal legislation of the performance characteristics of specific socially dangerous acts.

Keywords: health, iatrogenesis, physician, patient, healthcare, hospital mortality, crimes in the sphere of public health.

References

1. Doletsky S.Ya. Iatrogenies. M., 2009.S. 15.
2. Luria R.A. Internal picture of diseases and iatrogenic diseases. M., 1977.S. 77.
3. Medical newspaper. 2006. No. 32.03.05. 2006.S. 67.
4. Rules for determining the severity of harm caused to human health, approved by the Government of the Russian Federation of August 17, 2007 N 522 // Collected Legislation of the Russian Federation, 2007, N 35, Art. 4308 (as of 01.12.2014).
5. Pristanskov V.D. // Iatrogenic crimes: concept, approaches to research. SPb, 2013.S. 4-10.
6. Sterligov MP, Vasiliev KB // Dictionary of foreign words. M., 2014.S. 435.
7. Federal Law of the Russian Federation of November 21, 2011 No. N 323-FZ "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation" (as of 01.12.2014).
8. Cannabich Yu. V. Doctor as the cause of the disease // BME, T. 5. 1928. S. 677.
9. Lysenko V. M., Lysenko O. V., Zaretsky M. M., Chernikov E. E. On the issue of iatrogenic diseases // Scientific Bulletin of the National Medical University. Bogomolets, 2009.S. 164.
10. Avdeev AI, Kozlov SV Iatrogenic pathology (forensic medical view) // Actual problems of forensic medicine and expert practice. Novosibirsk, 2009.S. 29.

Типичные свойства личности мошенника в сфере кредитования

Дзюба А.О.

аспирант кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье рассматривается характеристика личности мошенника, совершающего преступления в кредитной сфере. Раскрываются основные элементы структуры личности мошенника: уголовно – правовые признаки, нравственно – психологические особенности, социально – демографические признаки. Дается психологический анализ каждого из соучастников, совершающих мошенничество в сфере кредитования.

Ключевые слова: личность преступника, мошенничество, сфера кредитования, мотив, соучастие

Для своевременного и качественного расследования мошенничества в сфере кредитования одних сведений о личности преступника будет недостаточно, необходимо провести анализ личностных свойств представителя кредитора, который напрямую связан с процессом кредитования. При этом также необходимо уделить внимание психологическим аспектам личности преступника, потому что они являются крайне важным элементом при расследовании указанного вида преступления.

Большинство ученых – криминалистов полагают, что личность преступника представляет собой личность человека, который умышленно или по неосторожности совершил общественно опасное противоправное деяние, предусмотренное уголовным законом [7, с. 27].

В криминалистике для того, чтобы установить личность преступника необходимо познать ее отдельные свойства и качества, которые отражаются в следах преступления. Затем, при производстве следственных действий накопленные знания могут использоваться как средство воздействия на личность преступника [3 с. 148 – 152].

Известно, что поведение преступника, его роль в конкретной криминальной ситуации несут в себе отпечаток прошлого взаимодействия человека с внешней средой. Личность преступника формируется путем накопления определенного социального опыта, усвоения тех или иных стандартов поведения, и поэтому на новые ситуации преступник реагирует в соответствии с ранее полученными знаниями [8, с. 244].

Лица, которые совершают мошенничество в сфере кредитования, весьма неоднозначны. Можно выделить физических лиц, которые задействованы в сфере розничного кредитования; индивидуальных предпринимателей; учредителей лже-предприятий и фиктивных организаций; сотрудников банка, которые состоят в преступном сговоре с мошенниками [5, с. 73].

В контексте структуры личности мошенника особый интерес представляет мнение А.И. Алексеева, который выделяет в ней следующий элементный состав: уголовно – правовые признаки; нравственно – психологические особенности; социально – демографические признаки [1, с. 340].

Уголовно-правовые признаки личности преступника прежде всего определяют то, как действовал преступник: самостоятельно или с помо-

щью соучастников. Основную часть мошенничеств в сфере кредитования совершают одиночки (более половины преступлений): речь идет о сотрудниках банка, физических лицах, у которых имеется опыт участия в кредитных отношениях, или лицах, оформляющих кредитный договор впервые.

Среди нравственно – психологических признаков особую важность для расследования и раскрытия преступлений представляет мотивация криминального поведения. Мотивация поведения личности является психическим процессом отражения в ее сознании реалий внешнего мира, на основе которых формируется мотив преступного поведения [1, с. 339]. Мотивом незаконного получения кредита является использования денежных средств в личных целях. Личность кредитно – банковского мошенника характеризуется такими психологическими особенностями как корысть, жадность, страсть к обогащению [11, с. 310].

В поведении кредитного мошенника, как яркого представителя корыстных преступников, доминируют корыстные побуждения, и удовлетворить их правомерными способами не представляется возможным. Действия указанной категории преступников обусловлены не отдельными мотивами, которые побуждают к совершению противоправного деяния, а общей корыстной направленностью личности [13, с. 95]. То есть в сознании корыстного преступника приоритет отдается материальным потребностям, что находит отражение в его поведении. Такой кредитный мошенник всегда стремится найти наиболее легкие и быстрые способы повышения своего материального достатка, не желая прилагать к этому больших усилий. Важно подчеркнуть, что материальная потребность не связана с объективной необходимостью, она вызвана желанием владеть даже теми вещами, которые превосходят круг потребностей человека [2, с. 68]. Корыстные преступники отличаются повышенной внушаемостью, отсутствием целеустремленности, что является причиной неудовлетворенности собственным материальным положением, вследствие чего возникает потребность поменять существующее положение дел любым способом, в том числе и противозаконным [4, с. 250–251]. В данном случае следователь должен изучать личность преступника основываясь на том, что мошенник обладает широким кругом межличностных связей и играет определенную роль в той или иной социальной группе (семья, трудовой коллектив и др). Зачастую информация, полученная от лиц, с которым взаимодействовал преступник, может способствовать выбору правильного направления расследования.

Наконец, социально-демографические признаки включают в себя те признаки, которые отличают конкретного человека от других людей. В данном случае речь идет про пол, возраст, образование. Достаточно большое количество преступлений, которые были совершены не сотрудниками банковской организации, организуются и претворяются в жизнь представителями мужского пола. Мужчины обладают хорошими знаниями в сфере эко-

номики и могут более изощренно продумать свой план действий. Преступления совершаются в большей мере молодыми людьми, возрастной диапазон которых составляет с 21 года до 45 лет. Это связано с тем, что одним из условий предоставления кредита заемщику является достижение им возраста 21 год; максимальный же возраст на момент заключения кредитного договора должен составлять не более 65 лет [6, с. 68].

Следует учитывать тот факт, что кредитным мошенникам не составляет большого труда произвести хорошее первое впечатление на человека, используя при этом в своем лексиконе банковскую или экономическую терминологию, демонстрируя дорогие аксессуары, модную одежду. Они отличаются хорошо поставленной речью, используют в разговоре профессиональные речевые обороты и вводят в заблуждение собеседника, формируя у него представление о себе как о серьезном, деловом человеке [9, с. 76–89].

Кредитные мошенники умеют сопереживать, вызывать сильные эмоции и располагать к себе. Зачастую у потерпевшей стороны создается впечатление, что преступники находятся в сложной ситуации, которая требует срочной необходимости получения кредита. Вместе с тем нельзя сказать, что все мошенники имеют высокий интеллектуальный уровень: конкретный объем знаний экономического и правового характера им необходим лишь на стадии получения кредитных средств [10, с. 212].

Важно также понимать, что мошенникам реализовать свой преступный умысел в одиночку бывает сложно, поэтому необходимо учитывать тот факт, что данный вид мошенничества зачастую совершается организованной преступной группой или группой лиц по предварительному сговору. Необходимо уделить внимание составу преступной группировки. В первую очередь, важно проанализировать роль организатора мошенничества в сфере кредитования. Его действия имеют прямой умысел и считаются наиболее опасными по сравнению с действиями других соучастников мошенничества, именно поэтому степень уголовной ответственности у него будет гораздо выше [12, с. 135].

Организаторы мошенничества в сфере кредитования: хорошо знакомы с информацией о порядке и условиях выдачи кредитов и кредитных карт; предварительно изучают систему работы программного обеспечения, которое защищает банковские организации от преступных посягательств; в число их друзей часто входят люди, которые являются сотрудниками банка и имеют доступ к выдаче кредитов; отличаются высоким профессионализмом, широким кругозором [4, с. 256].

Не удивительно, что именно руководители кредитных организаций чаще всего выступают в роли организатора преступления. Это связано с тем, что руководители проводят целый комплекс мероприятий, направленных на минимизацию дополнительных проверок документов, которые предоставляет заемщик. В то же время действия руко-

водителей банков не всегда отличаются уверенностью и хладнокровием, поскольку они больше других соучастников боятся наступления уголовной ответственности, потери статуса, работы. К примеру, в ходе допроса указанные лица чаще других будут испытывать нервозность, и следователю в такой ситуации необходимо более детально, тщательно изучать личность преступника. Руководители организаций при хищении денежных средств часто прибегают к помощи своих сотрудников, поэтому важно отследить каждый этап кредитного процесса, в ходе которого было совершено мошенничество [4, с. 245].

Следующий вид соучастия предусматривает выполнение основных действий, направленных на достижение преступного умысла. В данном случае речь идет об исполнителе, который является центральной фигурой в соучастии, поскольку без его действий преступление не может быть совершено. Исполнителем часто бывает лицо, являющееся сотрудником банка и подверженное влиянию руководителя организации. В отличие от руководителя рядовые сотрудники банка не имеют такой высокий социальный статус, поэтому не боятся потерять его при совершении мошенничества. Такие сотрудники более мнительны, импульсивны, доверчивы, что проявляется во взаимоотношениях с другими работниками [4, с. 260].

Однако важно понимать, что рядовые сотрудники банка могут самостоятельно совершать кредитные мошенничества. Объем ответственности за совершенное преступление не осознается ими в полной мере, они не отличаются высокими интеллектуальными способностями, а руководствуются получением личной выгоды [4, с. 261].

Исполнителями могут быть и лица, которые не являются сотрудниками банка. К таким преступникам чаще всего относятся лица, ведущие антисоциальный образ жизни, состоящие на учете в психоневрологических диспансерах, инвалиды. Обычно они выступают в роли заемщика, а третьи лица руководят ими, продумывая алгоритм их действий и предоставляя поддельные документы.

Необходимо уделить внимание личности представителя кредитора, как жертве обмана мошенничества. К ним относятся сотрудники банка, которые напрямую связаны с процессом кредитования неблагонадежных заемщиков. Если сотрудник не обладает такими качествами как усидчивость, внимательность, аккуратность, то он может упустить из виду отрицательные качества кредитора, недостаточно грамотно проанализировать предъявляемые заемщиком информацию и документы.

Не имея умысла на совершение преступных действий, сотрудник кредитора может предоставлять корпоративную информацию своим знакомым, в том числе представителям преступного мира. Действия кредитора в таких ситуациях документально не подтверждены, поэтому выявить причастность данного лица к совершению преступного деяния практически невозможно.

Таким образом, своевременное и качественное раскрытие преступлений в сфере кредитования

напрямую зависит от того, насколько хорошо была изучена личность кредитного мошенника. Систематизированные и достоверные знания о личности мошенника позволяют: уменьшить круг лиц, среди которых будет осуществляться поиск преступника; выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе совершения преступления; провести более быстрый поиск искомых объектов; спрогнозировать динамику преступности.

Литература

1. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит и меч, 1998.
2. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое – психологическое исследование. М.: Норма: Инфра – М, 2010.
3. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 384..
4. Григорян А.А. Личность мошенника как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3.
5. Данилов Д.А. Наиболее характерные особенности личности преступника, совершающего мошенничество в сфере кредитования // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2017 № 4.
6. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. ч. 1. Понятие соучастия. Свердловск, 1960.
7. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1995.
8. Криминология и организация предупреждения преступлений: учебное пособие для слушателей Академии МВД России / под ред. профессора Э.И. Петрова. М., Академия МВД России, 1995.
9. Кручинина Н. В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 5 (33). – Стр.76 – 89.
10. Кургузкина Е.Б. Учение о личности преступника / под ред. докт. юрид. наук проф. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 2002. – Стр. 212.
11. Резван, А.П. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений. Учебник. В 2 ч. Ч.1 / Под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной. – М., 2002.
12. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2007.
13. Цебекова, Г.В. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничества: монография / Г.В. Цебекова – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2016.

Typical personality traits of a fraudster in the credit sphere Dzyuba A.O.

Lomonosov Moscow State University

The article discusses the characteristics of the personality of a fraudster who commits crimes in the credit sphere. The main elements of the fraudster's personality structure are revealed: criminal-legal features, moral-psychological features, socio-demographic features. A psychological analysis of each of the accomplices who commit fraud in the field of lending is given.

Keywords: identity of the criminal, fraud, identification, credit sphere, motive, complicity.

References

1. Alekseev A.I. Criminology: a course of lectures. M.: Shield and sword, 1998.
2. Antonyan Yu.M. The identity of the offender. Criminology is a psychological research. M.: Norma: Infra - M, 2010.
3. Vedernikov N.T. The personality of a criminal in criminalistics and criminology // Vestn. Volume. state un-that. 2014. No. 384 ..
4. Grigoryan A.A. The identity of the swindler as an element of the criminalistic characteristics of the crime // Theory and practice of social development. 2011. No. 3.
5. Danilov D.A. The most characteristic features of the personality of a criminal who commits fraud in the field of lending // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2017 No. 4.
6. Kovalev M.I. Complicity in a crime. Part 1. The concept of complicity. Sverdlovsk, 1960.
7. Criminology / ed. N.F. Kuznetsova, V.E. Eminov. M.: Jurist, 1995.
8. Criminology and organization of crime prevention: a textbook for students of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia / ed. Professor E.I. Petrov. M., Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995.
9. Kruchinina NV About forensic support of investigation of crimes in the sphere of economics // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. 2017. No. 5 (33). - Pages 76 - 89.
10. Kurguzkina EB The doctrine of the personality of the criminal / ed. doct. jurid. sciences prof. Yu.M. Antonyan. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. - Pp. 212.
11. Rezvan, A.P. Forensic techniques for investigating certain types of crimes. Textbook. In 2 hours Part 1 / Ed. A.P. Rezvana, M.V. Subbotina. - M., 2002.
12. Criminal law of Russia. Practical course / Under total. ed. A.I. Bastrykin; under scientific. ed. A.V. Naumova. M., 2007.
13. Tsebekova, G.V. Criminal law and forensic characteristics of fraud: monograph / G.V. Tsebekova - Elista: Kalmyk University Publishing House, 2016.

Идентификационное значение голосовых сообщений при расследовании преступлений

Гасанова Розалия Багдиевна

аспирант кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье описана криминалистическая значимость информации, хранящейся в переписках в сети «Интернет», в том числе и в голосовых сообщениях. Автором рассмотрены уже имеющиеся достижения в исследовании звучащей речи на сегодняшний день, а также перспективы развития этого направления. В статье раскрываются основные пути и методы идентификации личности по голосу и современные технологии, позволяющие сделать экспертизу звучащей речи более эффективной.

Ключевые слова: криминалистика, идентификация, голосовые сообщения, экспертиза, устная речь, звучащая речь, голосовой отпечаток.

На сегодняшний день технический прогресс достиг колоссального развития. Появление сети «Интернет» позволило людям с легкостью обмениваться мыслями, выраженными на письме – электронными сообщениями. Значимость информации, хранящейся в переписках, нельзя недооценивать. В наше время общение людей по переписке происходит даже чаще, чем вживую. Посредством электронных сообщений люди общаются, договариваются о встречах и даже ведут бизнес.

Сегодня сеть «Интернет» играет огромную роль в общении людей. Такое общение используется и для совершения преступлений. Речь идет не о преступлениях, в сфере компьютерной информации, а о совершенно любом преступлении. Злоумышленники планируют преступления с помощью сети «Интернет», связываются и поддерживают связь между собой с помощью электронных сообщений. Электронные сообщения хранят в себе большое количество криминалистически важных следов преступления, которые можно и нужно использовать при расследовании, а также при доказывании.

К сожалению, данная сфера не совсем исследована в науке и мало отражена в законодательстве. Существуют сложности в установлении факта отправки определенного сообщения конкретным лицом. Переписка, как доказательство приобретает значение тогда, когда точно установлено ее происхождение от конкретного лица. Но специфика электронной переписки заключается в том, что она исполняется с помощью особого инструмента – электронного устройства, которое и оставляет непосредственный след в информационном пространстве. Поэтому для отождествления лица как автора переписки существуют два основных подхода – через использование устройства (для чего надо установить, что данное лицо использовало устройство в конкретный момент времени), либо, если возможно, через выявление специфических особенностей, проявляющихся в самом сообщении. Выявить специфические черты напечатанного сообщения довольно сложно, и они вряд ли будут нести в себе идентификационное значение.

В последние годы во многих мессенджерах (Мессенджер – приложение, программа для мгновенного обмена сообщениями) появилась возможность отправки голосовых сообщений. Голосовое сообщение – это файл, содержащий в себе аудиоинформацию. Человек записывает свою речь, которая сохраняется в виде файла, и этот файл является вложением для сообщения его собеседнику. Такие сообщения стали очень популярными ввиду удобства и скорости отправки информации.

На наш взгляд, именно голосовые сообщения могут обладать идентификационным значением. Определить принадлежность голоса в сообщении конкретному лицу помогут исследования устной речи, которые на данный момент зашли довольно далеко.

По звучащей речи стало возможным определять этническую и территориальную принадлежность лица. Исследуется комплекс акустических и лингвистических признаков, свойственных для речи с «акцентом». Так, например, Ф.О. Байрамова провела диссертационное исследование «системных отклонений в русской речи азербайджанцев на фонетическом уровне», систематизировала эти отклонения и выявила комплекс признаков азербайджанского акцента [1, с. 20].

Также, фоноскопия занимается исследованием связи голоса с определенными заболеваниями, с ростом и весом человека. Заболевания дыхательных путей и челюстно-лицевой области всегда имеют взаимосвязь с дефектами речи. Существуют исследования, которые освещают взаимосвязь сломанного носа, отсутствия зубов или наличие врожденных расщелин верхней губы со специфическими речевыми признаками. Это может быть полезным для установления неизвестных лиц по голосу и речи. Возможным стало и определение психологических характеристик говорящего по звучащей речи [4, с. 11].

Определение роста и веса говорящего по устной речи основывается на связи длины и размеров тела с размерами внутренних органов. Ученые утверждают, что такие исследования очень точны: средняя ошибка составляет 5–7 см для роста и 5–10 кг для веса [2, с. 5].

Современные возможности позволяют определить обстановку окружающей среды, иногда даже место и время записи голосового сообщения. Если окружающий звук, присутствующий на аудиозаписи, резко меняется, это может означать, что среда, в которой происходила запись, внезапно изменилась. Громкость и тон голоса на записи могут указать на расстояние и пространственные характеристики места, где была совершена запись.

Эксперты обладают широким набором методов для анализа аудиозаписей, который может быть использован и для исследования голосовых сообщений. Среди них – различные методы улучшения звука, экспертные фильтры для улучшения звукового материала, которые позволяют выявлять еле слышимые звуки на записи. Существует также метод выравнивания частоты, когда с помощью эквалайзеров отдельные полосы звуковых частот усиливаются или сокращаются, что помогает сделать речь более понятной. Громкие фоновые шумы могут быть проанализированы анализатором спектра и соответствующие частоты уменьшены так, чтобы эти шумы были менее заметны. Слабые звуки в записи могут быть усилены путем сжатия или выравнивания сигнала таким образом, что динамический диапазон материала уменьшается, делая мягкие звуки более заметными.

Вышеуказанные достижения могут обладать только ориентирующим значением и помочь следствию в установлении важной информации, но не доказательственной. Неопровержимую роль в доказывании играет идентификация личности по устной речи. Идентификация по голосу делится на текстозависимую и текстонезависимую. Соответственно текстозависимая учитывает слова, которые произнесены человеком. Текстонезависимая идентификация осуществляется по спонтанной речи человека, то есть, не важно, что именно человек говорит.

Текстозависимая идентификация основывается на речеведческом исследовании сказанного человеком на записи. Эксперт анализирует предложения и их значения, устанавливает контекст сказанного. Такая идентификация не может реализовываться только экспертом, необходимо детальное изучение материалов дела и личности проверяемого, сбор подробных характеризующих материалов, получение сравнительных образцов голоса подозреваемого.

Текстонезависимая идентификация представляет большую ценность, так как осуществляется по таким индивидуальным признакам голоса, совпадение которых говорит о точной принадлежности голоса конкретному лицу.

Технологии в области исследования звучащей речи также не стоят на месте. В речеведении было разработано такое понятие, как «голосовой отпечаток». Голосовой отпечаток – это некая уникальная для человека запись, что-то вроде отпечатка пальца. Она не основывается непосредственно на самой речи человека (конкретных словах, фразах), а характеризует голос в целом. Технологии создания и анализа таких голосовых отпечатков основаны на некоторых опорных точках в речи, например, особенных переходах между звуками. Учитываются физические характеристики: кроме высоты, скорости разговора конкретного человека, к сведению принимаются даже физиологические особенности его звукового тракта, горла, глотки, даже носа.

Создание голосового отпечатка представляет собой процесс отображения изменяющегося содержания звука в визуальной форме. Идентифицирующими признаками в таком отпечатке являются частоты составляющих сигнала и амплитуды их изменений относительно времени. Изучение голосовых отпечатков входит в сферу исследований голосовой биометрии. При наличии базы данных образцов голоса, возможен будет отбор образца речи – голосового отпечатка и сравнение его с голосами из базы.

Исследование голосовых отпечатков происходит как посредством технических средств (объективные методы), так и непосредственно экспертом (субъективные методы). Так, Галяшина Е.И. отмечает, что несмотря на развитие современных технологий нельзя недооценивать значимость слухового метода анализа звучащей речи [3, с. 115]. Опытный эксперт обладает такими качествами как избирательность и чувствительность при оценке индивидуализирующих признаков человека.

Использование экспертных методов в ходе фоноскопических исследований помогает скорректировать и уточнить работу технических средств. Кроме того, экспертные методы идентификации диктора применяются в случаях, когда работа автоматических методов оказывается затрудненной – например, в условиях сильной зашумленности фонограмм.

Современные технические средства также обеспечивают довольно детальное изучение звучащей речи. Например, технология распознавания речи позволяет автоматически преобразовывать речевой сигнал в текст, распознавать стиль и оценивать разборчивость звучащего текста, выявлять лингвистические особенности речевого сигнала. Современным программным обеспечением в этой области является компьютерная программа Voice Speech Analytics, которая обладает возможностью речевой биометрии. Данное программное обеспечение реализуется в основном в сфере продаж и используется для работы с клиентскими базами. Однако, технология распознавания речи могла бы лечь в основу дальнейшего развития технологий в области фоноскопических исследований.

Существует также современное программное обеспечение, позволяющее анализировать голос человека до мельчайших подробностей. Такой анализ включает в себя анализ «течения слов», пауз, дыхания и уникальных звуков, зависящих от особенностей рта и гортани.

Несмотря на высокую точность технических и опытных достижений в области исследования звучащей речи, нельзя утверждать что совпадение может быть стопроцентным. Существует вероятность ложного совпадения. Например, в практике США, Великобритании и Франции экспертное заключение об идентичности записей речи не принимается в качестве юридического доказательства [5, с. 27]. Это вполне логично, поскольку в практике уголовного процесса при визуальной идентификации личности требуется сравнение с некоторым количеством похожих лиц, тогда как решение об идентичности голосов, основанное только на сравнении записей речевого сигнала и голоса подозреваемого, без сравнения с голосами множества других дикторов, содержит высокий риск ошибки. Идентификацию личности по голосу, в некоторых случаях, следует также проводить сравнивая некоторое количество похожих записей, голосовых отпечатков, во избежание экспертных ошибок. Так, например, при идентификации по голосовым сообщениям следует сопоставлять звучащую в сообщении речь с образцами всех лиц, которые предполагаемо могли иметь доступ к телефону, с которого сообщение было отправлено. На данный момент это необходимо, однако, развитие технологий идет в том направлении, что становится возможным провести такой анализ голосового отпечатка, который, как и в случае с отпечатком пальца, сможет подтвердить его точную принадлежность конкретной личности. Например, в Санкт-Петербурге был организован «Центр речевых технологий». Это целая группа компаний,

которая занимается разработкой методов идентификации по голосу и внедрением новейших технологий, стремясь обеспечить ими не только коммерческие предприятия, но и правоохранительные органы.

Итак, на наш взгляд, сообщения в сети «Интернет» играют очень важную роль для расследования любых преступлений, так как в них может содержаться большое количество как ориентирующей, так и доказательственной информации. Особое внимание правоохранительным органам следует обратить на голосовые сообщения, ставшие популярными в последнее время. Такие сообщения, кроме хранящейся в них информации представляют собой ценность еще и потому, что по звучащему на них голосу можно идентифицировать личность отправителя. Сегодня перед криминалистикой остро стоит проблема установления конкретного лица, имевшего доступ к электронному устройству и отправившего сообщение, и голосовые сообщения – первый шаг на пути к поиску решения этой проблемы. На данный момент технические возможности в области исследования звучащей речи довольно широки, однако не стоит забывать и про важность экспертного опыта этой сфере. Добиться наилучших результатов можно при сочетании методов слухового анализа экспертом и современных технических средств. Немаловажна также правильная регламентация процесса идентификации. Поскольку сейчас современные технологии распознавания речи еще не внедрены повсеместно, в некоторых случаях необходимо проводить сравнение записи голосового сообщения с несколькими образцами голоса (по аналогии с предъявлением для опознания в уголовном процессе). Внедрение специальных биометрических программ для идентификации по голосу во все экспертно-криминалистические центры, проведение экспертиз под строгим контролем опытных экспертов позволит точно устанавливать личность человека, отправившего голосовое сообщение в мессенджере. Такая экспертиза может использоваться в качестве доказательства в суде и значительно облегчит уголовный процесс.

Литература

1. Байрамова Ф.О. Исследование акцента в интерферированной русской речи на материале русской речи азербайджанцев: автореферат дис. кандидата филологических наук // Москва. 2012. С. 20.
2. Викторов А.Б. Остроухов А.В., Лобанова М.А. О возможности создания автоматизированного комплекса диагностирования обликовых признаков // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. М. 2006. С. 5.
3. Основы судебного речеведения: Монография // Е.И. Галяшина; под ред. М.В. Горбаневского. – М. : СТЭНСИ. 2003. С. 115.
4. Журавлева А.А., Коваль С.Л. Диагностика психологических качеств диктора по устной речи // Труды международной конференции по компью-

терной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007». М. 2007. С. 11.

5. Сорокин В.Н., Вьюгин В.В., Тананыкин А.А. Распознавание личности по голосу: аналитический обзор // Журнал «Информационные процессы» №1. Москва. 2012. С. 27.

Identification value of voice messages for investigation of crimes

Gasanova R.B.

Lomonosov Moscow State University

The article describes the forensic significance of information stored in correspondence on the Internet, including voice messages.

The author considers the existing achievements in the study of sounding speech to date, as well as the prospects for the development of this direction. The article reveals the main ways and methods of identifying a person by voice and modern technologies that make the examination of sounding speech more effective.

Keywords: criminalistics, forensic science, identification, voice messages, examination, oral speech, voice print.

References

1. Bayramova F.O. Study of the emphasis in interfering Russian speech on the material of the Russian speech of Azerbaijanis: abstract of dis. candidate of philological sciences // Moscow. 2012.S. 20.
2. Viktorov A.B. Ostroukhov A.V., Lobanova M.A. On the possibility of creating an automated complex for diagnosing facial features // Informatization and information security of law enforcement agencies. M. 2006.S. 5.
3. Fundamentals of judicial speech: Monograph // E.I. Galyashina; ed. M.V. Gorbanevsky. - M.: STENSY. 2003.S. 115.
4. Zhuravleva A.A., Koval S.L. Diagnostics of the speaker's psychological qualities based on oral speech // Proceedings of the international conference on computational linguistics and intellectual technologies "Dialogue 2007". M. 2007.S. 11.
5. Sorokin V.N., Vyugin V.V., Tananykin A.A. Personality recognition by voice: an analytical review // Journal "Information processes" №1. Moscow. 2012.S. 27.

Особенности доказывания преступлений в сфере информационных технологий

Голубев Ф.А.

помощник прокурора Центрального района города Санкт-Петербурга, юрист 2 класса

Статья посвящена проблемам формирования доказательственной базы по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере информационных технологий. Особое внимание уделено организационно-тактическим особенностям проведения следственных осмотров: места происшествия, технических средств и документов, которые использовались для доступа к предмету посягательства, а также содержимого компьютера и накопителей памяти. Предложены программы допросов свидетелей, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Ключевые слова: преступления в сфере информационных технологий, формирование судебных доказательств, осмотр места происшествия, содержимого компьютера и накопителя памяти, программа допроса обвиняемого.

Организация работы по проведению расследования в сфере киберпреступности имеет существенные недостатки по причине отсутствия апробированных методик. Наиболее проблемным аспектом расследования преступлений исследуемой категории является изъятие и фиксация интеллектуальных и материальных следов. Вследствие этого расследование прекращается или приостанавливается в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, или неустановлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. Низкое качество работы следствия, нарушение положений уголовно-процессуального кодекса, в том числе нарушение положений ст. 6.1 УПК РФ, в результате огромного количества находящихся в производстве следователя уголовных дел, является детерминантой принятия вышеуказанных решений следователем.

Основными следственными действиями являются: осмотр места происшествия, проведение экспертиз, допрос свидетелей, допрос подозреваемого, обвиняемого.

На наш взгляд, особенности проведения экспертиз по делам исследуемой категории настолько самобытны, что данное следственное действие необходимо рассматривать отдельно от всех вышеизложенных. Существенными для установления обстоятельств совершения преступления следственными действиями являются допросы свидетелей, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и, конечно, осмотр места происшествия, что и следует детально рассмотреть в настоящей статье.

Осмотр места происшествия позволяет установить ряд важных обстоятельств: природу исследуемого события, содержит ли оно признаки состава преступления; где совершено преступление – на месте осмотра или в каком-то ином месте, когда оно произошло, кто принимал в нем участие, каковы отличительные признаки и в чем выразились действия каждого из участников события; каковы цели и мотивы их действий; какие предметы, их части, вещества оставлены ими на месте происшествия и покинули его; как долго находились на нем; какие технические средства и документы использовались для доступа к предмету посягательства и совершения незаконных действий с ним; кто мог наблюдать происходившее и откуда; какие действия предпринимались для сокрытия следов

реального события или инсценировки иного события; в каком месте следует искать наступление вредных последствий и их следы [2, с. 3–5].

Преступления в сфере информационных технологий предполагают несколько мест совершения преступления, а соответственно и мест происшествия. Выделим несколько из них:

1) место обработки информации, на которую осуществлено незаконное посягательство (рабочее место потерпевшего, место хранения информации организации и т.д.).

2) место создания вредоносных программ либо место, из которого осуществлялось неправомерное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации, либо осуществлялось неправомерное завладение чужой компьютерной информацией.

3) транзитная точка доступа или место, через которое осуществлялось непосредственное воздействие на компьютерное устройство жертвы. Например, в случае дистанционного подключения к компьютерному устройству, находящемуся в локальной сети с другими компьютерами организации и получения доступа через него к ним доступа. С такими местами сложнее всего, поскольку транзитных точек может быть тысячи. Так, например, VPN (Virtual Private Network «виртуальная частная сеть») своего компьютера может изменить вообще любой пользователь ПК, имеющий минимальные познания в области компьютерных технологий. Данный факт апробирован на практике еще в 2018 году, когда Роскомнадзор предпринял попытку блокирования мессенджера Telegram на территории Российской Федерации, а пользователи меняли свой VPN на зарубежные и пользовались мессенджером несмотря на установленные запреты. Данные сведения еще раз подтверждают необходимость проведения осмотра только с участием специалиста.

Каждое из вышеизложенных мест происшествия предполагает особый порядок проведения его осмотра. На тактику осмотра влияет количество помещений, их расположение по отношению друг от друга, местонахождения компьютерных устройств и устройств хранения информации.

Для качественного проведения данного следственного действия необходимо привлечения ряда участников.

Во-первых, обязательно участие специалиста в области информационных технологий, который может быть привлечен из сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, представителей научного сообщества, преподавателей высших учебных заведений, специализирующихся в области информационных технологий.

Во-вторых, следователя, который обладает специальными знаниями в области информационных технологий.

В-третьих, сотрудников управления «К» МВД России для организации оперативного обеспечения осмотра места происшествия.

Также целесообразно привлекать еще одного следователя для проведения иных следственных

действий на месте происшествия параллельно, сотрудников МВД для обеспечения порядка и невозможности уничтожения доказательств на месте происшествия, иных лиц, осуществляющих видеофиксацию и фотофиксацию следственного действия.

Работа участников осмотра должна быть строго запланирована и слаженна. Осмотр места происшествия протекает в несколько этапов. Подготовительный этап или предварительный предполагает ряд профилактических (предупредительных) мер. А именно, установление наиболее важных помещений, подлежащих осмотру, установление компьютерных устройств, имеющих значение для уголовного дела, определение их характеристик и соединений, установление наличия бесперебойных источников питания, обеспечение недоступности посторонних и заинтересованных лиц от устройств, подлежащих осмотру (компьютеров, мобильных телефонов и так далее), установление пользователей ПК.

Рабочий этап или основной подразумевает коррекцию заранее подготовленного до выезда на место происшествия следственной оперативной группы плана с учетом открывшихся обстоятельств, установление конкретных задач участникам группы и осмотра помещений и устройств, находящихся в них.

Имеются тактические приемы «от центра – к периферии» и «от периферии – к центру» при проведении осмотра места происшествия. Также обоснована позиция незамедлительного осмотра установленных устройств для минимизации рисков утраты информации, имеющей значение для уголовного дела.

Кроме компьютера по делам в сфере информационных преступлений, предметом осмотра места происшествия могут являться мобильные телефоны, рабочий стол на котором находится компьютерное устройство, записные книжки, съемные запоминающие устройства. Целью осмотра места происшествия по делам о преступлениях в сфере компьютерных технологий является обнаружение, фиксация и изъятие доказательств, изобличающих злоумышленника и необходимых для установления времени, места, способа и иных обстоятельств совершения преступления. Одним из важных элементов для законности и обоснованности проведения данного следственного мероприятия является наличие понятых. Рекомендовано привлекать лиц для участия в качестве понятых, которые имеют познания в области компьютерных технологий. Отметим необходимость установления факта соединения компьютерных устройств в локальную сеть. В случае подтверждения данного факта необходимо немедленно установить все компьютеры, которые подключены к данной локальной сети, с целью невозможности удаленного повреждения данных. Также необходимо установить степень защищенности компьютера и средства защиты, так как в случае неправильной оценки защиты при несанкционированном проникновении в компьютерное устройство доказательства могут

быть уничтожены или изменены автоматически из-за установленных специальных программ.

Отдельно отметим получение информации в ходе осмотра мобильных телефонов. Современные мобильные устройства обладают специальными средствами защиты и при наличии кодов блокировки существенно к ним затрудняется доступ третьих лиц в случае отказа собственника телефона в предоставлении паролей. Специалист и следователь должны быть осведомлены о возможностях использования специальных технических устройств для извлечения информации. Например, системы израильской компании «Cellebrite» UFED (Universal Forensic Extraction Device) CHINEX, которая работает с мобильными устройствами китайского производства и позволяет извлекать, расшифровывать удаленные и не удаленные данные, снимать коды блокировки с мобильных устройств; системы UFED Touch Ultimate, которая работает аналогичным образом с более расширенным кругом мобильных устройств, в том числе на платформе IOS; системами российской компании «Элкомсофт», предлагающей интегрированные системы решения для правоохранительных органов в виде пакетов программ для специальных целей; программно-аппаратным комплексом «Мобильный Криминалист Эксперт».

После получения доступа к мобильному устройству необходимо обязательно следовать рекомендациям специалиста, включить авиарежим на телефоне для невозможности изменения имеющейся информации извне, копировать всю содержащуюся информацию на съемное запоминающее устройство, удостовериться в импортировании данных из всех диалогов в мессенджерах на мобильном устройстве. Так, например, при включенном авиарежиме в мессенджере «WhatsApp» имеется возможность просмотреть всю переписку между пользователями за долгий промежуток времени, однако в мессенджере «Telegram» для такого просмотра необходимо подключение к интернету. Также отметим, что мессенджер «Telegram» также использует системы оконечного шифрования «end-to-end» и ключи шифрования генерируются на мобильных устройствах пользователей, в связи с чем даже по запросу правоохранительных органов в компанию «Telegram» получить доступ с сервера к диалогам не получится. Единственное, что сможет предоставить по запросу провайдер, это краткие сведения об устройствах, с которых осуществлялся вход в мессенджер, IP-адреса, время, в которое осуществлялся вход, и местоположение.

Исследование компьютерных устройств проводится исключительно с участием специалиста в области информационных технологий. При этом специалист озвучивает все свои действия при одновременном осуществлении видеосъемки процесса.

Если компьютер на момент начала осмотра оказался включен, необходимо оценить информацию, изображенную на дисплее и определить, какая программа выполняется на данный момент. В

случае работы стандартного программного обеспечения нельзя приступать к каким-либо манипуляциям на входе без предварительного визуального осмотра технических средств. В протоколе необходимо описать все соединения на задней стенке системного блока. Если это признано целесообразным, вскрывается кожух системного блока и визуально определяют конфигурацию ЭВМ, описывают месторасположение электронных плат. Следование данной рекомендации позволит обезопасить поиск информации от различного рода устройств повреждения или уничтожения как аппаратных средств, так и информационной базы [1, с. 954, 957]

Осмотру подлежат как содержимое компьютера и накопителей памяти, так и сам компьютер и всего комплектующие. Обязательно определение у ПК наличия внешних устройств удаленного доступа, виртуальных дисков, карт памяти, магнитных дисков, иных накопителей информации,

Особое внимание следует обратить на закрепление доказательств и изъятие компьютерных устройств и носителей информации исключительно в рамках уголовно-процессуального закона, а именно ст. 164.1 УПК РФ.

Сложнее устанавливать место совершения преступления в связи с тем, что в данных преступлениях им может признаваться не только традиционный его вид (физический адрес), но и часть информационного пространства (домен, сайт), в котором фактически было совершено преступление активным пользователем. Например, это сайт, который зарегистрирован на сервере, имеющем физическое местоположение, и лицо, его пользователь, находившийся в момент совершения преступления по конкретному адресу [3, с. 199–203].

Кроме осмотра важными следственными действиями естественно являются допросы свидетелей, потерпевшего и подозреваемого-обвиняемого. В ходе допроса потерпевшего или представителя потерпевшего выясняются следующие вопросы:

- 1) Какими знаниями и навыками работы в области компьютерных технологий обладает опрашиваемое лицо?
- 2) Какой вред причинен преступлением и что являлось предметом преступного посягательства? Какие индивидуальные признаки данного предмета?
- 3) Какие есть документы, подтверждающие право собственности похищенной компьютерной информацией?
- 4) Имеются ли какие-либо документы о праве пользования программой для ЭВМ?
- 5) Известно ли каким способом совершено преступление?
- 6) Имеется ли круг заподозренных в совершении преступления лиц?
- 7) Каким образом выявили факт совершения преступления?
- 8) Известно ли в каком месте и в какое время совершено неправомерное завладение компью-

терной информации или установка вредоносной компьютерной программы?

9) Какие действия предпринимали после установления факта совершения преступления сотрудниками организации?

10) С каким провайдером интернета заключен договор на получение услуг?

11) Для каких задач предназначено компьютерное устройство, которое принадлежит пострадавшему либо заявителю, на которое осуществлено преступное воздействие?

12) Каким образом организовано электропитание?

13) Имеются ли автономные источники питания?

14) Сколько компьютеров поражено вредоносным вирусом либо из скольких компьютеров похищена информация?

15) Кому принадлежат данные компьютеры (физическое или юридическое лицо)?

16) Какая организационно-правовая форма и характер деятельности юридического лица, а также его местонахождение?

17) Какие компьютеры использовались?

18) Где располагаются компьютерная техника?

19) Какое общее количество компьютерной техники находится в организации и соединены ли они в одну сеть?

20) Где хранятся файлы данных и их резервные копии?

21) Какие операционные системы установлены на компьютерах?

22) Какое количество компьютеров находится в исправном состоянии, какое количество из них на рабочих местах сотрудников (если это организация)?

23) Имеются ли камеры видеонаблюдения, охватывающие обзор мест, где располагается компьютерная техника?

24) Устанавливались ли факты несанкционированной подмены программного обеспечения на компьютерах либо самих компьютеров и вспомогательного оборудования?

25) Имеется ли вспомогательное оборудование, где оно и в каком количестве?

26) Как часто и какими организациями осуществляется ремонт компьютерного оборудования и его техническая профилактика?

27) Каким образом и как часто проводятся разовые профилактические мероприятия по защите компьютерной информации?

28) Какой объем информационных потоков, количество выполняемых операций внутри организации и их характер?

29) Осуществляется ли изменение реквизитов разграничения доступа и их распределение?

30) Осуществляется ли просмотр системных журналов и их анализ, какие меры принимаются в случае установления нарушений правил работы?

31) Осуществляется ли пересмотр правил разграничения доступа сотрудников организации к компьютерной информации?

32) Какое программное обеспечение используется на компьютерах?

33) Привлекаются ли квалифицированные специалисты по защите компьютерной информации сторонних организаций с целью оценки эффективности мер безопасности, предпринимаемых пользователями и руководителями организации при работе с ПК? Какие имелись рекомендации при данной проверке и выполнены ли они?

34) Осуществляется ли пересмотр построения системы защиты и ее состава?

35) Имелась ли в организации электронная цифровая подпись? Какие есть документы на нее?

36) Установлен ли факт копирования цифровой электронной подписи?

37) У кого имеется доступ к компьютерам?

38) Установлен ли факт несанкционированного проникновения в помещение с компьютерами?

39) Имеются ли инвентарные номера на компьютерах и каким образом их можно дифференцировать друг от друга?

40) Какой контроль имеется в организации за работой сотрудников, имеющих доступ к компьютерной информации?

41) Имеются ли в организации специалисты в сфере компьютерных технологий и в каком количестве?

42) Осуществляется ли проверка оборудования специалистами организации после возвращения техники из ремонта?

43) С какого периода действует организация и какое приблизительно количество лиц, уволенных из организации, имеющих доступ к компьютерной информации (в том числе по собственному желанию, по желанию работодателя, по иным причинам)?

44) Какие взаимоотношения в коллективе?

45) У кого-нибудь из организации имелся мотив совершения преступления?

46) Имелись ли мотивы и возможности у уволенных из организации лиц похитить информацию?

47) Какие мероприятия по защите компьютерной информации предпринимаются при кадровых изменениях внутри организации?

48) Собирается ли какая либо информация о новых кадрах в организации в части их причастности к совершению преступлений, в том числе в сфере компьютерной информации?

Участие специалиста обязательно при допросах свидетелей (очевидцев произошедшего), подозреваемого-обвиняемого. Специалист способен разъяснить различные интересующие следователя термины в сфере компьютерных технологий, свойства и особенности компьютеров и иных комплекующих, изъятых уже в ходе проведенных следственных действий, а также возможные поэтапные действия злоумышленника при совершении преступления.

Допрос подозреваемого и обвиняемого особо рекомендовано проводить только с участием специалиста для избегания ситуаций введения следователя в заблуждение и отражения в протоко-

лах допроса недостоверной информации, что существенно впоследствии усложняет работу государственного обвинителя в суде при заявлении ходатайства об оглашении показаний подозреваемого-обвиняемого, не имеющих доказательственного значения по уголовному делу. Вопросы готовятся заранее и основываются, в том числе на заключении эксперта в сфере информационных технологий при его наличии.

Обязательно в рамках расследования уголовного дела необходимо допросить в качестве свидетеля супервизора и администратора системы

Литература

1. Аверьянова Т.В. и др., Криминалистика, учебник для вузов, под ред. Р.С. Белкина, Издательство Норма, Москва, 2005 г.,

2. Вехов В.Б. Особенности организации и тактики осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерных информационных, Российский следователь, №7, 2004 г. с. 3–5.

3. Чернышов В.Н. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств, Чернышов, В.Н., Лоскутова, Е.С. // Социально-экономические явления и процессы, 2017, Т. 12.№5, с. 200.

Features of proving crimes in the field of information crimes Golubev F.A.

«Centralny» District of St. Petersburg

The article is devoted to the problems of forming the evidence base in criminal cases of crimes committed in the field of information technology. Special attention is paid to the organizational and tactical features of conducting investigative inspections: the scene of the incident, the technical means and documents that were used to access the object of the attack, as well as the contents of the computer and memory drives. Programs of interrogations of witnesses, the victim, the suspect, the accused are offered.

Keywords: crimes in the field of information technology, formation of forensic evidence, examination of the scene of the incident, the contents of the computer and memory storage, the program of interrogation of the accused.

References

1. Averyanova T.V. and others, Criminalistics, textbook for universities, ed. R.S. Belkina, Norma Publishing House, Moscow, 2005,
2. Vekhov VB Features of the organization and tactics of inspection of the scene in the investigation of crimes in the field of computer information, Russian Investigator, No. 7, 2004, p. 3-5.
3. Chernyshov V.N. Problems of collecting and using digital evidence, Chernyshov, V.N., Loskutova, E.S. // Socio-economic phenomena and processes, 2017, T. 12.No.5, p. 200.

К вопросу о развитии науки криминалистики в XXI веке в эпоху цифровизации

Горбунова Е.В.

эксперт отдела компьютерных экспертиз ЭКЦ УМВД России по Мурманской области

В статье рассмотрено развитие криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации, в XXI веке. Рассмотрены цифровые следы как источники криминалистически значимой компьютерной информации.

На сегодняшний день тема криминалистического исследования цифровых следов не является достаточно изученной как на теоретическом, так и на практическом уровне. В связи с чем продолжается стремительное развитие криминалистической тактики, техники и криминалистических технологий, а также развитие методик расследования преступлений, совершаемых с использованием средств вычислительной техники и информационных технологий.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые следы, криминалистика, цифровая криминалистика.

Система науки криминалистики, которая формировалась и зарождалась в 50-х гг. предыдущего века, являлась самой разработанной наукой. В XXI веке, криминалистика столкнулась с цифровизацией общественных отношений, использованию огромного количества средств вычислительной техники, мобильных устройств, компьютерных сетей, платежных систем и цифровых валют. Цифровизация и современные информационные технологии привели к изменению способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, появились новые виды криминалистически значимой информации.

Актуальные вопросы и проблематика криминалистического исследования компьютерной информации и средств ее обработки, начали представлять значительный интерес в XX в. и продолжают вызывать интерес для ученых в веке нынешнем. Связано это с тем, что сегодня именно в области цифровых технологий идет приоритетное развитие и «с помощью компьютерных средств и систем совершаются в настоящее время преступления практически любых видов: против жизни и здоровья человека, против собственности, против общественной безопасности и др.» [7, с. 33], т.е. не только преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

Развитие средств вычислительной техники (далее – СВТ), информационных технологий привело к увеличению количества как компьютерных преступлений, так и преступлений, которые совершаются с использованием СВТ (мошенничество; легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и др.).

Как отмечают исследователи, в Российской Федерации все больше и больше преступлений совершается с использованием СВТ, об этом также свидетельствует и уголовно-правовая статистика.

Все эти процессы существенно изменили современные подходы к развитию науки криминалистики, в частности, началась адаптация подходов традиционной криминалистики к развитию современного информационного общества.

Буквально 15–20 лет назад преступления, которые совершались с использованием СВТ и информационных технологий считались латентными, негативное влияние на это оказывало отсутствие экспертно-криминалистического обеспечения обнаружения, фиксации и исследования новых, циф-

ровых следов, а также отсутствие методик и методических рекомендаций выполнения таких действий, системы применения специальных знаний.

Так, около пятнадцати лет назад начался путь становления этой области научных знаний, появился термин «цифровая криминалистика», который базируется на понимании информационных технологий. Рассматриваемый термин имеет различные синонимы, а именно – «электронная криминалистика», «компьютерная криминалистика» и другие.

В научной среде не прекращаются бурные дискуссии, в которых исследователи предлагают для криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых с использованием СВТ, компьютерных средств и систем, создать новую науку – «электронную» или «цифровую» криминалистику.

По мнению О.С. Кучина «цифровая криминалистика представляет собой раздел криминалистической техники, посвященный восстановлению и исследованию доказательств, обнаруженных на цифровых устройствах или в Интернете» [6, с. 69] и ее не следует выделять в отдельную науку, как это стараются сделать многие российские исследователи, по аналогии с зарубежными странами.

Р.С. Белкин справедливо отмечал, что «криминалистика едина, имеет свой предмет, систему, задачи, объекты и изучаемые закономерности» [2, с. 12].

Е.Р. Россинская также уверена в том, что в целях развития «цифровой криминалистики», не следует менять название науки, поскольку «криминалистика» как наука имеет свой предмет, объекты, систему, задачи, закономерности.

Соглашаясь с мнением ученых, можно сказать, что выделение цифровой криминалистики приведет только к размыванию ее предмета, в связи с чем криминалистику XXI века необходимо развивать за счет изучения, исследования вновь возникающих следов и механизма слеодообразования.

Нельзя не отметить и тот факт, что внедрение цифровых технологий в криминалистическую практику и уголовный процесс в России происходит с некоторым запозданием, в сравнении с другими странами, например, США, Израилем, Великобританией, Республикой Сингапур.

С точки зрения автора, представляет интерес исследование В.Б. Вехова, выполненное еще в 2008 году по теме: «Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники» [4]. Данная работа начала формировать методику и тактику выявления, а также расследования компьютерных преступлений, совершаемых с использованием СВТ и информационных технологий. В.Б. Вехов разработал «методологическое обоснование частной криминалистической теории «Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты»» [3, с. 41]. Это была одна из первых попыток обратить внимание современных ученых на новые,

специфические орудия и следы преступлений, сформированных с использованием компьютерных технологий.

В.Б. Вехов также предложил понятие «электронно-цифровой след», под которым следует понимать «любую криминалистически значимую компьютерную информацию, то есть сведения, находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [4, с. 30].

По мнению В.Б. Вехова «используемый в криминалистике термин «след-отображение» обладает своей спецификой и не может учитывать в полной мере специфику цифровых следов, поскольку эти особые следы появляются новыми способами, при взаимодействии программ (программных объектов) и средств вычислительной техники, в результате обработки компьютерной информации» [4, с. 30].

Следует согласиться с мнением В.Б. Вехова о том, что «обнаружение, фиксация и изъятие электронных следов преступления требует использования особых криминалистических технологий, разработка и совершенствование которых уже целое десятилетие представляет исключительно актуальное направление в науке криминалистике» [4].

Большое внимание изучению данного направления в своих трудах также уделял и А.И. Усов [9, с. 97].

Заслуживают внимания и труды Е.Р. Россинской, которая вместе с И.А. Рядовским высказали мнение, что «цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Эти следы являются следами материальными, так как, будучи оставленными в результате определенных событий, отражаются на материальных объектах, хотя в некоторых случаях период их существования весьма невелик» [8, с. 8–9].

Работа заинтересованных лиц с цифровыми следами обладает определенной спецификой, которую необходимо учитывать в ходе производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, связанных с осмотром и выемкой электронной информации, обнаружением ее носителей.

Поскольку одна из задач криминалистики – трансформация следа в доказательство, которое в данном случае можно определить как «цифровое доказательство», следует согласиться с мнением В.С. Балакшина о том, что именно криминалисты должны расшифровать след, поскольку «исследование обстоятельств преступления, обусловлено механизмом его совершения, и является предметной сферой криминалистики, в данном случае, взаимосвязь уголовно-процессуальной и криминалистической наук более чем очевидна» [1].

С учетом проведенных исследований, под воздействием стремительного развития информаци-

онных технологий, современная криминалистика продолжает динамично развиваться в направлении работы с цифровыми следами.

Исследованию цифровых следов, а также вопросам использования компьютерных технологий в организации работы правоохранительных органов, методике расследования преступлений в различное время уделяли внимание следующие исследователи: В.С. Зубаха, А.Б. Нехорошев, Е.Р. Россинская, Г.В. Саенко, А.Д. Тлиш, О.В. Тушканова, А.И. Усов, Н.Г. Шурухнов, М.Н. Шухнин, И.Ю. Юрин и А.Н. Яковлев и др. Ими проводились исследования по тактике поиска, фиксации, изъятия, а также предварительного исследования компьютерной информации в целях ее дальнейшего использования в ходе расследования преступлений.

Вместе с этим, можно сказать, что тема криминалистического исследования цифровых следов сегодня не является достаточно изученной как на теоретическом, так и на практическом уровне, она имеет большое значение для оценки новых следов с уголовно-правовой, криминологической и криминалистической точки зрения. Новые виды преступлений, новые виды следов в настоящее время не в полной мере охвачены уже имеющимися составами преступлений, а действующее законодательство, в частности уголовное и уголовно-процессуальное, не имеет едино сформированных терминологических понятий.

Поэтому, современной криминалистикой продолжают изучаться технические и тактические вопросы работы с цифровыми следами, т.е. вопросы их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования. Большое внимание уделяется общетеоретическим и методологическим основам криминалистики. Цифровая криминалистика становится одной из самых актуальных тем для дискуссий на конференциях, форумах и круглых столах.

Глобальный процесс цифровизации, соответственно, обусловил появление и электронных средств фиксации, сохранения, обработки, исследования доказательственной и ориентирующей информации.

Поскольку предмет криминалистики связан с использованием технико-криминалистических средств и тактическими вопросами обнаружения, фиксации, изъятия и первичного исследования цифровых следов, актуальным научным направлением является разработка новых технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации и изъятия таких следов, особенно с учетом того, что последние могут модифицироваться и уничтожаться.

Данное мнение предопределяет формирование нового, инновационного, самостоятельного подраздела «криминалистической техники – криминалистического исследования электронных носителей информации» [4], способного обеспечивать единообразный подход к работе (выявление, фиксация, изъятие) с новыми, цифровыми объектами: следами и их носителями. Под носителями понимаются любые устройства, конструктивно предназначенные для хранения информации в цифровом

виде: серверы, персональные компьютеры, мобильные устройства, и др.

Также, параллельно, происходит формирование и подраздела криминалистической тактики, такого как получение доказательственной информации на электронных носителях, в компьютерных системах и сетях, призванного сформировать рекомендации по практическому проведению процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, направленных на сбор доказательств и их использование в процессе расследования по уголовному делу.

Видится актуальным формирование нового учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, а также развитие частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [7, с. 33–34], предложенное Е.Р. Россинской.

Безусловно, развитие криминалистической тактики, техники и криминалистических технологий, а также развитие методик расследования преступлений, развитие частных криминалистических методик сопровождается постепенной трансформацией правовых оснований возникновения доказательственной информации, которые закреплены в значительном массиве законодательных актов разного уровня.

Подводя итог, можно сказать, что в XXI веке раскрытие и расследование преступлений, в которых фигурируют цифровые следы, становится легче, потому что специалистам известен механизм следообразования в различных информационных системах, на различных носителях информации, при действиях с файлами различных форматов и в разнообразных операционных системах и др.. Специалисты оснащены специализированным криминалистическим оборудованием и программным обеспечением, необходимым для поиска, фиксации, интерпретации, исследования цифровых следов.

Достигнутый к сегодняшнему дню уровень развития криминалистики позволяет уже сейчас обеспечить раскрытие и расследование различных преступлений, которые ранее практически не раскрывались и не расследовались должным образом.

Вместе с этим, современное состояние криминалистического учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем все еще нуждается в постоянной разработке новых и новых средств и методов (технологий) их обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, за счет изучения новых закономерностей и механизмов следообразования. Согласимся с мнением М.В. Жижиной, которая считает, что «криминалистика – развивающаяся наука, без четких границ своих исследований» [5, с. 2–5].

Литература

1. Балакшин В.С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе [Текст] : монография / В.С. Балакшин. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 382 с.

2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право.–2001.– 837 с. URL: <https://alleng.org/d/jur/jur720.htm>.

3. Вехов В.Б. Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников междунар. науч.-практич. конф. –Ростов н/Д., 2017.– С.41.

4. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 45 с.

5. Жижина М.В. Предмет криминалистики: история развития и современные представления // Эксперт-криминалист. –2011.– № 2. –С. 2–5.

6. Кучин О.С. Электронная криминалистика: миф или реальность//Сетевое издание «Академическая мысль».– 2019.–№ 3 (8).– С. 67–70.

7. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации// Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. –2019. –№ 5 (57). –С. 33–44.

8. Россинская Е. Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6—8.

9. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. М., 2002.–С.97.

Revisiting the development of the forensic science in the XXI century, especially in the era of digitalization

Gorbunova E. V.

Department Forensic Science Center Ministry of internal Affairs of Russia in the Murmansk region

The article considers the development of forensic science in the context of global digitalization, in the XXI century. Moreover, digital traces as sources of criminally significant computer information are discussed.

Currently, the topic of forensic research of digital traces is not sufficiently studied both at the theoretical and practical level. In this connection, the rapid development of forensic tactics, techniques and forensic techniques, as well as the development of methods for investigating crimes committed with the use of computer technology and information technology are continuing.

Keywords: digitalization, digital traces, forensic science, digital forensic science.

References

1. Balakshin V.S. Assessment of the admissibility of evidence in the Russian criminal process [Text]: monograph / V.S. Balakshin. - Moscow: Jurlitinform, 2016. – 382 p.
2. Belkin R.S. Forensic course. 3rd ed., Add. M.: UNITY-DANA, Zakon i pravo. – 2001.– 837 p. URL: <https://alleng.org/d/jur/jur720.htm>.
3. Vekhov VB Electronic forensics: concept and system // Criminalistics: topical issues of theory and practice: collection of articles. works of participants in the international. scientific-practical conf. –Rostov n / a., 2017.– P.41.
4. Vekhov VB Forensic doctrine of computer information and means of its processing: author. dis. ... Dr. jurid. sciences. - Volgograd, 2008. – 45 p.
5. Zhizhina M.V. The subject of forensic science: the history of development and modern ideas // Forensic expert. –2011.– No. 2. –S. 2-5.
6. Kuchin O.S. Electronic Forensics: Myth or Reality // Academic Thought Network Edition. – 2019. – № 3 (8). – S. 67–70.
7. Rossinskaya E.R. Problems of using special knowledge in forensic research of computer crimes in the context of digitalization // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. –2019. –No. 5 (57). –WITH. 33–44.
8. Rossinskaya E.R., Ryadovsky I.A. The concept of digital traces in forensic science // Aubakirovskie readings: materials of the International scientific and practical conference (February 19, 2019). Almaty, 2019, pp. 6-8.
9. Usov A.I. Conceptual foundations of forensic computer-technical expertise: dis. for the degree of Doctor of Law sciences. M., 2002. – P.97.

Теоретические основания использования научно-технических средств в криминалистической деятельности по обеспечению соблюдения мер пресечения

Костенко Д.С.

аспирант, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются вопросы теоретической обоснованности использования раздела криминалистической техники для применения правовых ограничений в рамках отдельных мер пресечения – домашнего ареста и запрета определенных действий.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, криминалистическая техника, цифровизация.

Одной из тенденций современного общества является рост количества источников информации, а также общего массива сведений, поступающих и оказывающих влияние на человека. Поскольку развитие технологий является следствием научно-технического прогресса цивилизации, а также объективной действительностью, грамотное, целенаправленное использование и управление информацией представляется одной из ключевых задач современной науки и общества. В то же время «грамотное, целенаправленное использование» информации представляется актуальным для любой из наук и имеет особое выражение в юриспруденции. Возможности совершенствования информационных технологий в контексте знания о государстве и праве, должны не только обеспечивать обоснованный порядок применения правовых норм, но и учитывать установленные и общепринятые в обществе права человека.

Рассмотрим роль криминалистики в контексте информационного общества. Вопросы о применении современных технологий и возможностей цифрового общества для противодействия преступности являются одними из самых обсуждаемых и актуальных. Однако, следует отметить, что наибольший акцент в направлении исследований, научных публикаций уделяется именно борьбе с преступностью посредством использования современных информационных технологий. Это не удивительно, нарастающие темпы использования технологий в криминальной среде обязывают применять соответствующие методы императивного воздействия.

Тем не менее следует учитывать, что предмет криминалистики чрезвычайно обширен. В предмет науки входят закономерности преступной деятельности (подготовки к совершению и сокрытию преступления), а также деятельности по раскрытию, расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел [1, с. 32]. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что криминалистика способствует в том числе предупреждению преступлений и установлению истины в целом [1, с. 32].

Опираясь на данный терминологический аппарат, возможно согласиться с авторами, которые раскрывают предупреждение преступлений как

«деятельность по недопущению их совершения путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению» [2, с. 80].

Деятельность по предупреждению преступлений может быть реализована в разных формах. Однако, анализируя правовые институты тех отраслей юриспруденции, которые связаны с изучением преступления как сущностного явления, можно выделить такой институт, целью которого непосредственно является предупреждение совершения новых преступлений. Речь идет об институте мер пресечения.

Данный уголовно-процессуальный институт представляет собой систему норм, направленных на пресечение обвиняемому возможности уклониться от следствия или суда, помешать следствию или продолжить заниматься преступной деятельностью. Данные положения отражены в ч.1 ст.97 УПК РФ об основаниях для избрания мер пресечения.

Применение норм института мер пресечения играет важную роль при расследовании преступлений. Следовательно, целесообразно выделить направление исследований по анализу этого института с точки зрения различных разделов криминалистики. В данной работе сконцентрируемся на таком разделе как криминалистическая техника.

Криминалистическая техника – это один из разделов криминалистики, в котором дается система научных положений и основанных на них технических средств, приемов и методов, предназначенных для собирания и исследования доказательств в процессе судопроизводства по уголовным и гражданским делам, иных мер раскрытия и предупреждения преступлений [1, с. 130]. Также под криминалистической техникой понимают совокупность приборов, аппаратуры, оборудования и инструментов, применяемых для собирания и исследования доказательств в процессе судопроизводства. С учетом указанных трактовок можно сформулировать применение криминалистической техники при применении мер пресечения как системы научных положений и как совокупности технических средств.

Прежде чем приступить к рассмотрению современных технических средств, применяемых при применении мер пресечения логично отметить, подготовлена ли соответствующая теоретическая база для исследования проблемы? Следует отметить, что система теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности успешно изучается и развивается. Например, в одной из статей Е.Р. Россинской предусмотрены восемь элементов этой системы. Данная классификация представляется интересной, а также актуальной для формирования опоры дальнейшего изучения вопросов цифровизации криминалистики. Следует отметить, что эти элементы связаны с обеспечением расследования преступлений, проведения следственных действий, фиксации «виртуальных следов преступле-

ния», учением об исследовании компьютерных средств и др. [3, с. 198–199].

Можно считать целесообразным включение в эту систему положений о применении криминалистической техники в рамках положений института мер пресечения. Это связано с особенностями применения мер пресечения. Поскольку запреты основаны на обоснованном предположении о возможном противоправном поведении в будущем. Основание применения конкретной меры пресечения из тех, что установлены уголовно-процессуальным законом не связано с вещественными доказательствами по делу. При этом вещественные доказательства играют ключевую роль в обосновании возложения правовых ограничений как меры принуждения.

В указанной статье автор справедливо разграничивает пределы между цифровизацией криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 200]. При этом следует отметить, что использование информационно-компьютерных технологий в вопросах регулирования применения мер пресечения относится именно к криминалистической деятельности по предупреждению преступлений и не является смешением двух указанных категорий.

Вопросы применения технических средств по предупреждению преступности также не раз становились объектом внимания для научных исследований. Тем не менее степень их разработанности уступает положениям технике при применении следственных действий.

Авторы таких исследований отмечают необходимость регламентации профессионального применения таких средств как устройства GPS, автономных системы охраны, системы распознавания лиц для предупреждения преступлений. Отдельно отмечен положительный и разносторонний опыт зарубежных государств по применению технологий по применению информационных технологий и сбору биометрических данных (на примере Китайской Народной Республики) [4, с. 73].

Современная тенденция цифровизации общества происходит совместно с постоянной тенденцией развития науки уголовного процесса. Уголовный процесс совершенствуется через введение новых и актуальных правовых ограничений. Таким, например, является введение в уголовный процесс России меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст.105.1 УПК РФ), которая предполагает широкий спектр ограничений, контроль за подавляющим числом которых обеспечивается посредством дистанционных технологий наблюдения.

Необходимо отметить, что технологическое обеспечение этих ограничений должно иметь актуальную и действенную форму реализации. Положительный опыт применения подобных технологий в зарубежных государствах будет полезным в этом отношении, что позволяет создать задел для продолжения изучения этого вопроса с практической стороны.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2001. – 900 с.

2. Малков В.Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 25 (711). – С.78–87.

3. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). С. 193–202.

4. Ширкин А.А. Использование научно-технических средств и технологий в правоохранительной деятельности // Вестник Российской таможенной академии. – 2018. – №3. С. 72–76.

Theoretical approach in using scientific and technological means in forensic activity to ensure enforcement of preventive measures

Kostenko D.S.

Siberian Federal University SibFU (Krasnoyarsk)

The paper describes theoretical issues in applying forensic technique in implementation of certain preventive measures, which restriction based upon electronic monitoring devices – house arrest, restriction of certain activity.

Keywords: restrictive measures, house arrest, restriction of certain activity, forensic technique, digitalization.

References

1. Belkin R.S. Forensic science: a textbook for universities / Ed. R.S. Belkin. - M.: NORMA, 2001. -- 900 p.
2. Malkov V.D. Prevention and prevention of crimes and other offenses in the system of combating crime // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. - 2014. - No. 25 (711). - P.78–87.
3. Rossinskaya E.R. Theory of information and computer support of forensic activity: concept, system, basic laws // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 2 (89). S. 193–202.
4. Shirkin A.A. The use of scientific and technical means and technologies in law enforcement // Bulletin of the Russian Customs Academy. - 2018. - No. 3. S. 72–76.